

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

В НОЧЬ С
ЧЕТВЕРГА
НА
ПЯТНИЦУ

ДЕТЕКТИВ, ЮМОР,
ТРИЛЛЕР

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Маргарита Малинина
В ночь с четверга на пятницу
Серия «Юля и Катя: пора браться
за расследование», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42974644

Аннотация

Студентке Екатерине поступает предложение провести каникулы за городом в резиденции нефтяного магната – самом настоящем замке с цилиндрическими башнями, плодовым садом и высоченным забором. Согласившись на эту авантюру, она и подумать не могла, во что это выльется: из замка начинают пропадать люди, жизнь самой Кати подвергается опасности, а окружающие винят во всем разбуженных духов соседнего замка, видя в происходящих событиях лишь мистическую подоплеку. Вскоре Катя вынуждена констатировать, что преступник живет среди них, но кто он, можно установить, только проведя ночь с четверга на пятницу в расположенном по соседству заброшенном замке, откуда, согласно преданию, живыми не возвращаются...

Предыдущая версия романа издана под названием "Живые не любят умирать" (ЭКСМО, 2013)

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	50
Глава 4	70
Глава 5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Маргарита Малинина

В ночь с четверга на пятницу

Пролог

«К Артему Артуровичу

Это всегда происходит в ночь с четверга на пятницу. Я говорил Вам, уважаемый, что в этом проклятом замке происходит нечто ужасающее, мистическое, нереальное. Теперь я знаю, **что** это, но не просите объяснить – не смогу... Старинные часы в холле пробили одиннадцать, а значит, мне осталось жить на белом свете всего лишь один час – до того, как **это** произойдет. Я говорю „жить“, подразумевая „существовать“, так как с того самого первого четверга, как все это началось и до сего дня – то есть почти полгода – я не живу, а лишь существую. В общем, за оставшиеся уже пятьдесят пять минут я должен все изложить вам в этом письме как можно полнее, чтобы вы, как истинный и признанный адвокат, смогли принять меры. Я догадываюсь, кто творит здесь весь этот ужас, этот кошмар, этот бред, но я должен видеть Его лицо, дабы быть уверенным, и для этого спрятался в этой самой комнате – спальне, где скончался от

сердечного приступа отец, когда увидел ВСЕ ЭТО, – хотя в последнее время мы с сестрой обходили это место стороной и даже перебрались жить в другое крыло ненавистного замка. Но вот сестра не выдержала этого, сдалась и уехала к знакомым в Москву. Я ее не виню: у нее полугодовалый сын на руках, он не должен жить среди ЭТОГО...

Одиннадцать тридцать. Как темно за окном, я уже почти ничего не вижу, пишу практически на ощупь в слабом подрагивающем свете старенького фонарика и от страха и всеобъемлющего ужаса, сжирающего, словно червь, меня изнутри, спрятался за шкаф, точно пугливый блеющий ягненок, доведенный до отчаянья большим, сердитым, злобным волком...

Надвигается буря, всюду хлещет ливень, капли так барабанят по стеклу, что, кажется, готовы разбить его на осколки. Мне страшно, слышите, дорогой Артем Артурович, мне невыносимо страшно умирать! Я не хочу умереть в свои неполные двадцать один! Я еще так молод!

Без десяти... Что это? Я слышу шаги. Они пришли. Их много, этих чудовищ, но главный, безусловно, Он. Не понимаю только, зачем они делают *это*? Не могу понять, не укладывается в голове. Эта жестокость, это сумасшествие... Теперь я отчетливо слышу их голоса и знаю, что они идут сюда. Они пришли за мной. Поднимаются по лестнице. Но боже мой! Я слышу и Ее голос! Не может быть! Она указываем им дорогу... Теперь-то вы мне верите? А я ведь говорил вам! Но

душа моя спокойна: вы знаете, кого винить в моей смерти, и, я верю, добьетесь справедливости. И все-таки мне горько, я ведь любил Ее! Так что же за исчадие ада женщина, казавшаяся мне ангелом?...

Сейчас я молюсь лишь о том, чтобы это письмо дошло до вас, уважаемый, и с этой целью спрячу его в шкаф. Когда меня найдут, непременно станут перебирать вещи в этой смертоносной комнате и отыщут его.

Часы бьют двенадцать...

Прощайте навсегда.

Ваш друг Иван.

Апрель 1939 года».

Глава 1

Резкий звонок заставил меня подпрыгнуть на кровати. Циферблат показывал 11:10. Какой наглец смеет звонить в такую рань? И это летом-то, в разгар каникул! Сейчас прочу обидчика!

С этими мыслями я, восемнадцатилетняя студентка экономического факультета Екатерина Любимова, отчаянно стенаю и охая, потянулась за безжалостно дребезжащим где-то в районе пола аппаратом, стараясь не сломать себе при этом все еще оставшиеся после вчерашнего праздника кости и пытаюсь заранее придумать достойный отпор абоненту, однако мысли, по неведомой мне в тот момент причине, наотрез отказывались приходить в гудящую, подобно паровозу, голову; с этим я просто стянула с рычага трубку и, приложив ее к уху, банально отозвалась:

– Алё.

– Здорово, Катюха! – бодрым голосом поприветствовала меня сокурсница Ленка Гаврилова. – Как отметили?

День рождения моей горячо любимой бабули мы отпраздновали с ней вдвоем: мама, по обычаю, укатила в длительную командировку; отец бросил нас, когда я была еще маленькой, и с тех пор я его не видела; дед умер до моего рождения, а кавалерам бабушкиным я запретила приходить, потому как они все неработающие пьяницы и подарков от них ждать не

приходится, а кормить по этикету положено, только вот за что кормить-то? За то, что составили компанию? Так выпить мы и без них в состоянии, что, в общем-то, и сделали, правда, слегка перетрудились, но с кем не бывает?

Так вот, Ленка задала вопрос, на который получила ответ.

– Так себе. Скучно было.

– А что так? Зная твою бабулю, могу с уверенностью сказать – с ней скучно не бывает! – радостно возвестила подружка.

– Нет, мы, конечно, песни пели и плясали, резались в морской бой и лазали по занавескам на люстру и обратно – кто быстрее, но это все уже приелось. Хотелось бы чего-нибудь необычного.

– По занавескам?! Ну даете! – судя по голосу, счастью Ленкиному не было предела. – То, что ты петь любишь, это всем известно, а про такое соревнование я впервые слышу!

– Ну петь-то мне больше нравится, я это дело с детства уважаю. В школе даже в конкурсе участвовала.

– Серьезно? И какое место заняла?

– Первое. С конца. – Это была правда, но Ленка расхохоталась так, будто выступление Гарика Харламова смотрела. – Ты че такая радостная? – не выдержала я.

– Да вот... м-м... Ты помнишь Андрея, да? – Андрей Серов – Ленкин парень, также учится в нашем институте, но только он уже перешел на предпоследний курс, тогда как мы – на второй. – Мы давно уже мечтали вместе вырваться ку-

да-либо, и тут наконец... В общем, слушай по порядку. Андрей с Ильей (Илья – старший брат Андрея) в каком-то поколении князя.

– Да ну? – искренне изумилась я.

– Историю родословной досконально знает только Илья, Андрею, прямо скажем, по барабану, поэтому я узнала эти сведения совсем недавно. Но главное вот в чем: где-то в двухстах километрах от нашего города находится – сейчас упадешь – имение Серовых! Тот самый серокаменный замок с привидениями, что присутствует в каждом из столь любимых тобой мистических триллеров.

– Самый настоящий замок? – продолжала я удивляться. – Откуда он там взялся?

– Его выстроил их дед в честь своего знатного происхождения. Видишь ли, рядом стоит заброшенный замок князей Варламовых, их предок был падок до мистики, как говорят местные, поэтому вместо обыкновенного особняка, которые строили в России, он соорудил такое готическое чудище. Между двумя семьями в течение столетий были натянутые отношения, ну прям Монтекки и Капулетти, и дед Андрея долго мечтал жить в здании, архитектурно превосходящим жилище ненавистных соседей. Копил-копил и вот построил. Тоже замок, только больше и красивее.

– А что соседи?

– Катя, ты что, не проснулась? Я ж говорю, замок заброшен. Соседи, наверно, за границу сбежали еще во времена

революции. А может, померли.

– А зачем строить замок, если нос натереть уже некому?! – да, столько раз, сколько я удивилась за одно это утро, я не удивлялась долго. Ленка побила все рекорды.

– Не бери в голову, их дед был с чудинкой. До этого редкие туристы щелкались на фоне замка Варламовых, а теперь все фоткаются у замка Серовых, потому что он красивее! Только дед почил давно и не застал своей маленькой победы, увы. Так вот послезавтра мы отчаливаем на полмесяца в этот самый замок. И тебе, как отъявленной авантюристке, предлагается поехать туда с нами. Согласна?

– Да за каким фруктом? – возмутилась я, однако, почуяв некую характерную взвинченность и предательскую дрожь в пальцах. Уняв в себе эту самую дрожь и восстановив спокойный ритм сердца, пояснила: – Что я там буду делать? Вы друг с другом, а я – третий лишний.

– Почему третий? С нами ж и друзья его едут закадычные, а я что, подругу не могу с собою взять? Кстати, ты понимаешь, о ком я твержу, потому, смею заверить, скучно тебе не будет.

Разумеется, я понимала. Она имеет в виду Женю Логинова и Пашу Самойлова, которые для кого-то, не сомневаюсь, друзья, а для кого-то другого совсем наоборот. Что касается Паши – этот еще ничего, с ним можно договориться. К тому же видимся мы не столь часто, лишь на общих студенческих тусовках, куда одноклассники (Женя) тащат своих

друзей (Пашу). А Самойлов учится в медицинском, хотя какой из него врач, если при виде крови человек может запросто грохнуться в обморок? Парень он хоть и вспыльчивый, но отходчивый и вполне миролюбивый, так что враждовать с ним особого желания не возникает, здесь действует принцип: друг врага – тоже враг.

А вот Логинов! Этот враг номер один. Мы обожаем пако-стить друг другу, кидаться вещами (впрочем, кидаюсь только я, а Женька, будучи каратистом с отменной реакцией, успешно уворачивается, чем только сильнее меня бесит), ну и насмешки, конечно, играют в наших отношениях далеко не последнюю роль. Остальные почему-то считают, что это от больших чувств. Глупость несусветная. Я и Женька?! Даже представить не могу. Хотя пару месяцев назад он вдруг сменил гнев на милость, предложив помочь мне с одним исследованием, но мне пришлось его отшить. Зачем это ему было надо, я так и не поняла.

– Подумай на досуге об этом, – увлеченно продолжала между тем Ленка, о чьем существовании я, сказать по правде, на время забыла, всецело поглотившись в некоторые любопытные размышления. – А завтра я тебе перезвоню.

– Ладно, – откликнулась я и, положив на рычаг трубку, наконец-то пристроила голову на подушку.

Позавтракав около часа дня, я пробудила бабулю и пристала к ней с разговором, надеясь на мудрый и бескорыстный

совет. Но не тут-то было. То есть она охотно со мной поболтала, однако мудростью тут и не пахло.

– Замок! Крутизна! Отпад! Вау! – вот что я услышала. К чести моей бабушки и к великой радости ее внучки будет сказано, что бабуля у меня современная, моложавая – более сорока пяти ей никто не дает, хотя на деле ей, дай бог памяти, шестьдесят один, – с демократичными взглядами на мир. Требуется, чтобы к ней обращались не иначе как Марго, все, в том числе и я. Со стороны это кажется странноватым, но я привыкла так величать свою бабулю, а она либо считает, что это сбавляет ей годы, либо просто нравится часто слышать свое имя, да еще и на французский манер. – Конечно, поезжай, тем более что на халяву! А кто, говоришь, еще едет? Логинов? Это тот, который голубоглазый блондин с отличной фигурой? – Я с грустью кивнула: напоминание о смазливом лице и атлетическом теле Логинова – последнее, что мне было нужно в эту минуту. – Классный перец!

– Перестань! – скривилась я. – Ничего классного не вижу, и мне как-то индифферентно, будет он там или нет. Я еду искать приключений, а присутствие поблизости неприятных типов как раз, напротив, может эти приключения отпугнуть.

– Это жизнь: ты никогда не знаешь, где обретишь, а где потеряешь, – ответила она таинственно. Вот такая она, Марго – когда ты уже ничего, кроме молодежных словечек, не ожидаешь, она вдруг выдает сентенции не хуже буддийских монахов.

Вернувшись в свою комнату, я предалась сладостным размышлениям о замке, которые привели к такому оптимистичному заключению: а почему бы и нет? Что плохого в том, чтобы хоть раз в году отвлечься от учебной суеты, лекций, сессий и вырваться куда-нибудь на природу, в тихое, спокойное местечко, где скрипят, нагоняя ужас, невидимые двери и издают непонятные звуки неизвестные науке существа, сейчас в четырех стенах запертых комнат роскошного каменного замка... Лепота!

В общем, я решилась ехать. Однако безумно хотелось взять с собой лучшую подругу Юльку и, подчинившись этой цели, я принялась ей названивать. Подруга пережила личную драму пару месяцев назад, и я считала своим долгом отвлечь ее. Однако не сбылось. Постоянно вздыхая в трубку, Юлька категорично отказала, даже на грамм не впад в ажиотаж при слове «замок». Ни мои мольбы, ни довод относительно того, что с нами едет Самойлов Паша, который давно положил на Юльку свой карий глаз, не привел ее в нужное расположение духа. Да, Павел не был ни умен, ни красив, но он безопасен, и именно такого кавалера я для нее хотела, по крайней мере сейчас, когда она еще уязвима.

– А о себе когда думать начнешь? – произнесла я, опершись о перила балкона и глядя в сумрачное небо. Странное дело, о подруге беспокоюсь, а то, что у меня не было личной жизни – это нормально, да? И в то же время именно негативный опыт близкого человека отталкивает от любовных при-

ключений.

На следующий день, в пятницу, Ленка, как и обещала, перезвонила, получила твердое, как скала, согласие, и уже в субботу в полдень, взяв с собой минимум вещей (в правую руку – два пакета с одеждой, в левую – сумку с хозяйственными товарами, косметикой, книгами, плюшевым мишкой и другими жизненно необходимыми в замке вещами; в зубы – дамскую сумочку), я выходила из дома, держа курс на место встречи и последующего отбытия. Этим местом являлся институт, где большинство незадачливых путешественников дружно или не очень дружно учатся. До того всего четыре автобусные остановки; я гордо, но слегка сгибаясь под тяжестью ноши, держала свой путь, мечтая хотя бы раз в жизни успеть на автобус, но, разумеется, последовала традиции и все-таки опоздала. Автобус ушел прямо из-под носа, не позарившись на лишние тридцать пять рублей. Изрядно попеняв на свою невезучесть, я решила топать пешком, так как из-за нее же можно было прождать следующий вид транспорта до вечера. Когда дотопала наконец до места встречи, выяснилось, что все уже были в сборе и ждали одну лишь меня. Ничего другого я от себя и не ожидала.

– Не прошло и года, – «дружелюбно» поприветствовал меня Логинов. – Всего-то на двадцать минут опоздала, наверно, часы сильно вперед убежали.

– Заткнись, – разозлившись, рывкнула я, выронив изо рта сумочку, но тем не менее врагом своим залюбовалась. Кра-

сиво уложенные светлые волосы как нельзя лучше гармонировали с бледно-бежевыми летними брюками, а выразительные голубые глаза создавали яркий контраст с черной футболкой, короче, то еще чмо.

Его друг, Павел, был невысокого роста и имел темные волосы, которые сегодня весело топорщились в разные стороны. Наверно, как и я, собирался впопыхах и не успел причесаться.

После нашей перепалки остальные члены экипажа – Лена, Паша и Андрей – тоже кинулись меня приветствовать, а после – укладывать мои огромные сумищи в не слишком большую «Ауди», в коей и без того было полным-полно другого барахла. В результате мало того что я была втиснута на заднее сиденье между Логиновым и Самойловым, так еще ноги всем троим пришлось класть на мои же сумки. Мысли о том, что все вещи теперь окажутся раздавлены и смяты, еще пагубнее отразились на моем и без того плохом настроении, но я ничего не могла с этим поделать.

Через несколько минут к нам обернулась с переднего сиденья Ленка.

– Вам не тесно?

– Тесно, – хором ответили мы, хотя особо тесно никому не было. Просто хотелось повредничать.

– Ничего, сейчас к одной девчонке заедем, она тоже на колесах. Можно будет кому-нибудь к ней подсесть.

Нет, ну Ленка выражается, конечно... Она, говорит, на ко-

лесах, не хотите тоже подсесть? Слава богу, никто не понял ее превратно.

– Че за девчонка? – заинтересовался Женька. Ему что за дело?!

– Зовут Ольга. Наши матери несколько лет вместе работают и дружат, но познакомили нас с ней совсем недавно.

– А сколько ей лет?

– Двадцать вроде.

К дому Ольги мы подъехали, когда та уже укладывала вещи в багажник старенькой «шестерки». Ольга – высокая крупная крашеная блондинка (в отличие от Лены, чьи волосы скорее были светло-русыми, Олины имели желтоватый оттенок) – была одета в обтягивающие аппетитные формы черные капри и светлую кофточку. Приветливо улыбнувшись девчонкам, она радостно пожала руки галантно вышедшим ей навстречу мужчинам, потрясывая при этом бюстом не меньше пятого размера. Будучи вне себя от счастья оттого, что наконец-то освобожусь от соседства парней, я переселась в машину Ольги, не забыв прихватить все свое барахло, и после этого оба автомобиля плавно тронулись в путь.

Признаться, я была удивлена Ольгиным прикидом: жара – двадцать восемь с плюсом, а на ней кофта с длинным рукавом.

Девушка перехватила мой взгляд.

– Недавно родинку на руке удалила, мешалась очень. Остался неприятного вида шрам, который пока что бросает-

ся в глаза, поэтому руки по возможности не оголяю.

Я сочувственно кивнула. Терпеть температурные неудобства во имя красоты – это по-бабьи! Молодчина!

Мы как раз выезжали из города, когда Ольга-молодец возобновила разговор:

– Скажи... Катя, да?... Так вот, скажи, Катя, что ты думаешь об Андрее?

Вопрос показался мне несколько странным, однако я добросовестно принялась на него отвечать:

– Ну, Андрей, он такой... добрый, отзывчивый. И совершенно не заносчивый. Купишь ему, например, к празднику какую-нибудь безделушку дешевую – он радуется, точно «Мерседесу», благодарит. Хоть и сын богатого бизнесмена. Если ему презент не понравится, он никогда об этом вслух не скажет.

– Лицемер? – обрадовалась чему-то Оля.

– Нет! Тактичный, – поправила я, подняв вверх указательный палец. – Никогда никого резким словом не обидит.

– Ага, – подвела итог собеседница и, подумав о чем-то минут пять, уточнила: – Богатый, говоришь?

– Угу. – К тому времени разговор перестал мне нравиться совсем, так как в голову вдруг полезли неприятные мысли относительно Ольги. Такое ощущение, что она всерьез решила отбить у Ленки Андрея, а я тут, как самая отпетая предательница, выступаю в роли свахи, пусть и не по собственному желанию, и указываю на правильность ее выбора. «Но

зря стараешься, Дрюша с Леной любят друг друга, и уже давно, так что ничего тебе не светит». И только я глянула на Ленкину соперницу со злой ухмылкой, как она задала следующий вопрос, повергший меня в шок.

– Воруют?

– Кто? – слегка прибалдела я.

– Серовы. Богатство так просто не достается. Все бизнесмены по сути своей воры.

– Что ты! Конечно, я ни с его отцом, ни с его братом лично не знакома, но Андрей бы такого не допустил. – А сама задумалась. Я, в общем-то, к наивным себя не причисляю, просто нет привычки лезть в чужой кошелек, поэтому семью Серовых в этом контексте мне оценивать дотоле не приходилось.

– Значит, в принципе он не способен на воровство?

На этом терпение мое закончилось.

– Представь себе! Кстати, к чему такое нездоровое любопытство? Чем тебя так завлек Андрей?

Не обращая внимания на мой сердитый тон, Оля спокойно ответила:

– У меня с собой много ценных вещей. Если что-нибудь пропадет, буду уверена: это сделал не Андрей. – И заметив, как вытянулось у меня лицо, добавила: – Шучу, конечно.

На этом наш не особо приятный разговор завершился.

Минут через тридцать произошло непредвиденное. Метрах в ста перед нами, не вписавшись в поворот, переверну-

лась фура, а две машины, не успев затормозить, врезались в нее. Образовалась пробка. Ленка позвонила мне, я поставила на громкую связь, и сообщая мы решили ехать в объезд, через какую-то деревню. Оба водителя знали это место, поэтому я и вдумываться не стала. Развернувшись, пока еще не прибыли инспектора ГИБДД и не перекрыли движение, мы немного вернулись до нужного поворота. Здесь дорога была похуже, зато абсолютно пустынная.

Итак, мы спокойно колесили друг за другом по этой пустующей двухполосной неровной дороге, когда впереди показалсядвигающийся нам навстречу «Хаммер» с затонированными стеклами. Он начал сиюминутно ускоряться, из-за этого, а может, просто интуитивно я почувствовала какое-то беспокойство, и всего через несколько секунд водитель «Хаммера» резко вырулил влево. Соответственно, попал на встречу. Двигущаяся впереди «Ауди», пытаясь уйти от неминуемого столкновения, повернула вправо и съехала с дороги в овраг. Там она перевернулась и замерла колесами кверху. Но о об этом я узнала чуть позже, потому что Ольга в свой черед тоже крутанула руль, но влево, однако это нас не спасло: задней частью машины мы все же неслабо припечатались к резко остановившемуся «Хаммеру».

Наступила гробовая тишина.

– Цела? – нервно осведомилась новая знакомая.

– Ага, – ответила я и испуганно обернулась на дорогу. – Что с ребятами?

Она пожала плечами, и, чуть помешкав, мы вышли из машины. Водитель сбившего нас транспорта знакомиться явно не хотел, так как оставался внутри. Почему-то это навевало на нас непреодолимый ужас. Картина вырисовывалась следующая: пустая дорога, по бокам – овраг и лес, большой «Хаммер», который может запросто стереть нас в порошок, если того захочет его неадекватный владелец. А что тот был явно не в адеквате – не вызывало сомнений. Кто ни с того ни с сего повернет на встречу с такой скоростью, по такой плохой дороге, да еще и прямо перед едущим автомобилем? Может, водитель – суицидник? Но почему бы ему не въехать тогда в столб или дерево? Зачем в людей?

Тем временем у «Хаммера» так и работал двигатель, я слышала его глухое рычание, которое способствовало росту тревоги в моем сердце. Не к добру это все...

Видимо, в голове Ольги пронеслись те же мысли, потому что она предложила дрогнувшим голосом:

– Давай вернемся в машину.

Но я заметила перевернутую «Ауди» и кинулась к ней. Сразу после этого «Хаммер» зашумел двигателем и резко сорвался с места. Я вскрикнула, но зря: не собираясь меня давить, он просто покинул место ДТП.

Ребята вылезли целые и почти невредимые – пара ссадин и будущих синяков.

Начались крики и брань. Даже Андрей, всегда уравновешенный и тихий, вышел из себя:

– Что это за выкрутасы?! Дебил! По вине этого психа на машину теперь посмотреть страшно! Мне, конечно, ее покупали на пару лет, пока учился ездить, но я к ней привык!

– Главное, что мы сами серьезно не пострадали, – ответила я, и с этим никто не смог поспорить.

Владельцы автомобилей кинулись звонить в ГИБДД и страховые компании. И те и другие обещали в скором времени приехать. Нам оставалось только ждать, чем дружная компания и занималась последующие полтора часа, то сидя в Олиной машине, то гуляя поблизости от нее же. За это время ни одно живое существо на дороге не возникало.

– Ну где там народ? – возмутился Жека столь длительному ожиданию.

В ответ на это Серов с Ольгой вновь потянулись за сотовыми, но второй раз дозвониться уже не смогли.

– И за что я им деньги плачу? – со злостью отшвырнул первый телефон, имея в виду, наверно, страховщиков. – Давайте уедем. Я объясню брату, что случилось, он пошлет кого-нибудь разобраться.

Не успели мы начать обдумывать, как уместиться всем в одной машине, как выяснился прискорбный факт: «шестерка» не желала заводиться.

– Проклятье! – разгневалась Ольга и схватилась за голову. – Вот урод! Какого лешего он свернул на нашу полосу?

– Значит, идем, – сказал Женя и подал руку Ольге, выходящей из «Жигулей».

– А мы имеем право уйти с места ДТП? – с любопытством спросил Паша.

– Вот именно что уйти! – выразил свое недовольство Андрей. – Ладно, тут есть остановка неподалеку – возле садового товарищества. Автобусы ходят один-два раза в сутки, но можно поймать частника.

– Давайте вызовем наше городское такси, – предложила Ленка и приготовилась набирать знакомый номер.

– Милая, наше такси по такому маршруту не ходит. Мы слишком далеко от города. Пойдемте. Только вещи заберем.

Но и здесь вышел облом. Из-за аварии что-то в машинах переклинило, короче, багажники не открылись. Поэтому в путь мы отправились налегке.

Шла команда не очень долго, минут тридцать от силы, пока дорога не вывела на перекресток. Андрей ткнул пальцем влево и сказал:

– Вон она, остановка, видите?

Мы кивнули. Пускай зрение у меня небезупречное, но остановку, находившуюся метрах в ста от нас, я увидела сразу: старая, состоящая лишь из трех невысоких стен и крыши, она была зачем-то свежеевыкрашена ядовито-салатовой краской – это и облегчило мне задачу.

Внутри этого сооружения нас поджидал сюрприз в виде самой настоящей лавочки, которая также радовала глаз салатовым цветом. Ленка, сияя улыбкой, присела.

– Наконец-то можно расслабиться. Но что-то здесь не вид-

но расписания автобусов, — добавила она, осматриваясь. — Вдруг он скоро пойдет?

— Сомневаюсь, — пожал плечами Андрей и достал телефон. По дороге сюда он уже пытался дозвониться и до отца, и до брата, но ни один не брал трубку. Наконец ему ответили. Поговорив, он повернулся к нам: — Брат дома, только вышел из душа. Соберется и поедет за нами. Он понял, где мы находимся, но будет часа через полтора, а то и позже.

— Полтора?! — Ленка сморщила чуть-чуть длинноватый носик. — А еще туда ехать...

— Ну что ж, радуйся, что так.

— Чем займемся? — спросила Ольга, всем своим видом показывая, что ей уже невыносимо скучно.

— Предлагаю закурить, — пожимая плечами, изрек Андрей и вынул пачку.

Ленка с Олей, стрельнув у него пару дорогих сигарет, подождали, пока он достанет зажигалку в форме пистолета и прикурит им, после чего привычно затянулись. Затем Андрей достал сигарету уже для себя. Оставшиеся трое, среди которых была и я, только воротили нос от неприятного табачного дыма.

Пашка не выдержал:

— Табачный дым, который вы с таким кайфом вдыхаете, содержит стирол, нервно-сердечный яд, радиоактивный полоний, канцерогенные смолы, синильную кислоту, угарный газ и, самое главное, никотин.

– Тебе виднее, ты ж у нас медик, – беспечно отозвался Серов, чиркая зажигалкой.

Досадливо стукнув себя кулаком по лбу, борец за здоровый образ жизни продолжил:

– Курящие люди значительно чаще заболевают хроническим бронхитом, раком легких, туберкулезом и астмой. От одной лишь затяжки происходит гибель клеток реснитчатого эпителия и воспаление голосовых связок.

– Как? – испугалась Оля, обладательница весьма приятного голоса, и бросила недокуренную сигарету.

Мы с Женькой улыбались во весь рот, наблюдая за произведенным Самойловым эффектом, а сам Паша, несмотря на очевидную комичность ситуации, оставался абсолютно серьезен и обращал свой научно-познавательный монолог теперь к Андрею и Лене, которым до своего здоровья – как мне до звезд на небе: есть они – хорошо, а коли нет – ну и бог с ними.

– При каждой затяжке, – Серов спокойно вдохнул порцию никотина, глядя прямо в глаза воспитывающему его другу, – нарушается обогащение крови кислородом. В результате... – видя, что Андрею все по барабану, Самойлов применил удар ниже пояса, театрально разведя руками и вымолвив самое страшное для особей мужского пола слово: – ...импотенция!

– Что?! – сигарета выпала изо рта прямо на брюки и начала прожигать в них дыру. Серов, подпрыгнув на сидении, стал отряхиваться. Паша лишь удовлетворенно улыбался:

победа!

Ольга же, не сумевшая вынести разглагольствований на тему влияния курения на здоровье, вышла за пределы остановки и вскоре издала громкое:

– Ура!

– Что? – заинтересовались остальные.

– Машина! – Она протянула вперед указательный палец. – Вон! Это такси!

Обычный автомобиль с приделанными к крыше «шашечками» неподалеку от нашей остановки выруливал с узкой лесной дороги, которая, наверно, и вела в СНТ. Паша с Олей стали призывно махать руками, привлекая внимание водителя, а Андрей поднялся с лавочки и подал руку своей девушке. На мгновение они повернулись к нам спинами и...

– Сзади! – крикнули мы хором с Женькой, только он кричал почему-то Ленке, а не Дрюше, на заднем месте которого отпечатались три ядовито-салатовые полосы. Тут я додумалась глянуть на Ленкин зад – там картина была аналогичной. Нечего и говорить, что всем стало жутко весело по этому поводу, даже таксисту, кроме, конечно, самих так удачно посидевших.

– Ну вот, – чуть не плакала Лена, – а мне даже переодеться не во что. Вещи-то все в машине остались.

– Не реви, верну я твои вещи, – успокаивал ее возлюбленный.

– Каким образом?

– Пошлю кого-нибудь, – ответил он слегка неуверенно.

– Эй, молодежь, ехать будем? – спросил водитель, вдоволь налюбовавшись Ленкиной полосатой задницей.

– Будем, – согласились мы.

– Только учтите, все не поместятся, максимум четверо. Остальные пешком.

Мы глянули на указатель, что стоял близ самой остановки. На нем значился областной центр и расстояние до него – 100 км.

– А где находится имение? – поинтересовалась я у Дрюши.

– В Медведково. Это небольшая деревушка, расположенная в десяти километрах от областного центра. Туда-то нам и надо, – последнее предложение он адресовал таксисту.

Тот кивнул и ткнул пальцем куда-то в остановку:

– Есть еще вариант. Автобус. – Мы обернулись. Маленькая табличка действительно имела место под самой крышей, по причине того что она была идентичного кислотно-желтого цвета с мелкими черными буквами, мы ее сперва не заметили.

Женька стоял к ней ближе всех, и зрением его бог не обидел, потому он ознакомился первым.

– Здесь ходит только маршрут «52», следующий автобус будет через час и десять минут.

– Ах да, – кивнул сам себе шофер, что-то вспоминая, – этот рейс идет до другой деревни – Большеозерное, но оттуда всего-то шесть километров до вашего Медведкова.

– Шесть?!

– Ага. Через поле, кладбище и лес. Но автобус всего один и иногда, когда Олежке-водиле лень, он рейсы пропускает. Особенно те, что после обеда.

Мы протяжно вздохнули.

– Дайте номер вашей компании, – повелительным тоном обратился к шоферу недовольный ситуацией Жека, – мы вызовем еще машину.

– Компания разорилась год назад. Но я оставил себе табличку, – задрал он глаза к верху машины. – Мы с Витьком теперь сами тут рулим на собственных тачках. О, могу дать номер Витька! – обрадовался мужик, чем обрадовал нас еще сильнее. И только мы приготовились набирать, как он добавил: – Завтра днем вернется из Сочи и вечером за вами заедет.

– Нет, это кошмар какой-то! – рыкнул Логинов и переглянулся с Пашей. Тот согласно закивал.

– Значит, пешком! – рывкнул в ответ уставший от нас водитель. – А то че им не предложи – ничего не нравится. Дойдете, не развалитесь.

Осознав наше бедственное положение, вся честная компания вновь обратилась к указателю, на котором почему-то ничего не изменилось (так и есть – до города всего-то сто километров, а значит, двадцать часов пешком, если ни на минуту не останавливаться), после чего события стали развиваться как-то слишком уж стремительно: Андрей заявил,

что раз он хозяин замка, то он и должен ехать, чтобы, значит, сообщить о приезде гостей, приготовить для них комнаты, прибраться и так далее (как сами гости туда доберутся, его, по-моему, волновало мало); со словами:

– Милый, куда ж ты без меня? А вдруг меня в твое отсутствие уведут? – Лена ловко запрыгнула в машину вслед за любимым.

– У меня с собой важные медикаменты, они на жаре испортятся, – внезапно проявил инициативу чаще всего пассивный Пашка и полез в переднюю дверцу с пустыми, надо сказать, руками. Нам бы вспомнить, что медикаменты, если они и имелись в наличии, все равно покоились на данный момент в перевернутой «Ауди», но мы с Олей и Женькой в ту минуту были настолько рассеянны, что явных нестыковок в легенде о причине необходимости уезда друга не заметили.

– Не переживайте, – попытался утешить нас Андрей, – брат, скорее всего, уже выехал. Наверное... А если нет, по приезде я его потороплю!

– Всё, что ль, шеф? Можно ехать? – устало спросил утомленный нашим обществом водитель-частник.

– Стойте! – заорала не своим голосом Ленка. – Еще ведь одного человека можно вместить!

Мы переглянулись. Тут Оля, внимательно осмотрев нас с Женькой с головы до пят, как-то странно хихикнула, подмигнула и быстро влезла в автомобиль на заднее сиденье, прижав Лену к Дрюше, чем оба остались весьма довольны.

Машина тронулась в путь, но, проехав метров пятнадцать, неожиданно вернулась. Мы уж, по наивности своей, обрадовались, понадеявшись на то, что друзья одумались и решили взять нас с собой, правда что деть нас можно было если только в багажник или на крышу, привязав покрепче к ней веревочкой, но не это главное, главное – забота о ближнем. Однако зря мы губу раскатали, нам даже дверь не удалось открыть, лишь окошко слегка опустилось, и Оля оживленно спросила:

– Сотовый есть?

– Посеяла на днях, – вздохнула я, смахнув слезу: он был мне очень дорог как подарок моей горячо любимой бабули (описываемые события происходили некоторое время назад, когда телефоны не так прочно вошли в нашу жизнь, что без них и часа обойтись нельзя, так что я, хоть и планировала купить новый, но особо не спешила).

Логинов отцепил от ремня брюк телефон и взглянул на табло:

– Тьфу, зараза, почти разрядился.

Через мгновение Олин мобильный перекочевал в мою ладонь.

– Для связи, – пояснила она в ответ на мой удивленный взгляд. – Все, пока.

– Пока! – попрощалась с нами парочка влюбленных, не скрывая счастливой улыбки.

– Прощайте! – с чувством произнес с переднего места Са-

мойлов, прослезился и закрыл лицо руками.

Такси набирало скорость, а мы смотрели ему вслед, гадая, встретимся ли когда-нибудь с друзьями вновь.

Глава 2

– Каламбур, – изрек Жека, бросив взгляд на указатель. По-прежнему сто километров, расстояние упорно не хотело сокращаться. – Полтора часа торчать, как минимум.

Мы постояли молча минуты две, больше терпеть состояние закрытого рта я не могла, потому полезла с вопросами.

– Может, нам стоит вернуться к машинам? Попытаться завести какую-нибудь из них?

– Иди. Пытайся, – сказал Логинов и присел на асфальт, всем своим видом показывая, что лично он не собирается двигаться с места. К покрашенной стене, однако, прислониться поостерегся.

– Я не умею водить, – честно призналась я. – А ты?

– Я-то умею, но у меня нет прав.

– Зачем тебе права? Ты хотя бы один пост ГИБДД видел здесь?

– Здесь – нет.

Я почувствовала, что теряю терпение. Ничего удивительного – этот парень умеет играть на моих нервах.

– Знаешь что? Со стеной и то приятнее обращаться, чем с тобой!

– Знаешь что? – передразнил он меня. – По тебе заметно, что ты этим увлекаешься.

– Чем?

– Общением со стенами. Кстати, тебе не в замок нужно. А туда, где столбы белые имеются и мягкие стены. – И он растянул губы в отвратительной и вместе с тем очаровательной улыбке. Да, Логинов так умеет.

– Ты... ты... Сядь, посиди! – так и не придумав достойный ответ, указала я на лавочку в надежде на то, что Евгений забыл о случившемся с нашими друзьями конфузе. Но зря: враг все помнил.

– Спасибо большое, но я, как джентльмен, уступаю место даме.

Мы еще немного помаялись бездействием.

– Что, так и будем здесь полтора часа стоять? – не выдержала я.

– Зачем же? Можно зайти в кафе.

Я сперва решила, что он снова издевается, но вдруг повернула голову вбок и действительно углядела скромную вывеску «Кафе». Серенькое одноэтажное здание находилось через дорогу от нас и было сокрыто буйной растительностью, поэтому я сразу его не заметила. Вот где, оказывается, имелся народ, точнее, пять человек, включая бармена, но и это хорошо, а то ощущение, словно ты в пустыне. Впрочем, кафе это заведение я бы назвать поостереглась, скорее, это бар: выпивки всевозможной выше крыши, а вот с едой негусто. Я попросила два пирожных и сок, а Женька взял чипсы, мы заняли один из свободных столиков и приготовились к долгому ожиданию.

Вдруг зазвонил телефон. Я решила, что звонят именно нам и непременно с хорошей новостью, но, достав мобильный, прочла на табло «Мама» и пригорюнилась. Зачем Ольга отдала свой телефон? Теперь мать будет волноваться, почему она не ответила.

Через пару минут, судя по короткому звуковому сигналу, пришло смс. Ну наконец-то! Это уж точно нам! Я нажала «Сообщения», однако вместо ожидаемого «Лена» сверху в списке высветилось снова «Мама». Тогда я решила сбросить, однако случайно нажала не на отмену, а на «Ok», потому что в моем пропавшем без вести телефоне кнопки были расположены наоборот. Высветилось: «Оля, я видела газеты. Что ты задумала? Позвони».

Конечно, читать чужие сообщения неприлично, но это вышло ненароком, к тому же текст меня насторожил. Короче, я пристала к Логинову с возникшими у меня подозрениями. Может, найду союзника, кто знает?

– Знаешь, я хотела поговорить с тобой об Оле. Тебе не кажется, что она какая-то... – я долго пыталась подобрать подходящее слово, – не такая?

Но получила совсем не то, что ожидала.

– У тебя все какие-то не такие, – довольно резко ответил он. – Одна ты у нас самая-самая.

Это издевательство настолько вывело меня из внутреннего равновесия, что я запустила в противника остатком пирожного. Само собой разумеется, он увернулся. Поскольку чув-

ство голода пройти не успело, я тут же занялась вторым, посоветовав себе побыстрее его слопать, а то сделает Логинов опять какую-нибудь пакость – и я останусь без обеда.

Когда в животе потеплело от принятой еды, я слегка по-добрела и вынуждена была своего врага оправдать. Несколько месяцев назад в нашей группе прошел слух, что Логинов нашел себе женщину сильно старше. Я как-то раз высказалась язвительно на сей счет (даже и не знаю, почему меня это беспокоило, наверно, просто хотелось посплетничать), стоя с сокурсницами возле дверей аудитории и не зная, что Женька был за спиной. Они, гадины такие, даже не намекнули ни разу, мол, заткнись, Катя. Сам Логинов как раз перед этим пытался мне помочь, о чем я уже упоминала вначале своего повествования, и, видимо, смертельно обиделся. Дескать, я к ней так, а она вот так. Извиниться я и не подумала, я вообще этого никогда не делаю, поэтому вместо перемирия мы стали враждовать еще сильнее.

Через длинный и нудный промежуток времени, в течение которого мы пребывали в полном молчании, он поинтересовался:

– Сколько времени?

Очевидно, его телефон окончательно разрядился, и сам узнать ответ он не мог.

– Половина шестого, – неохотно отозвалась я и, закинув ногу на ногу, опять загрустила. Минуты тянулись медленно и скучно, и, чтобы хоть чем-то себя занять, я стала разглядыв-

вать остальных посетителей. Ими были четверо алкашей за угловым столиком, играющие в карты и громко матерящиеся. «Хоть кому-то весело», – с печалью подумала я.

Через некоторое время мы с Логиновым сдались (вот что рушит вражду лучше всего – скука) и начали по-дружески беседовать. О детстве, о школе, институте, знакомых, родственниках и так далее. Затем Жека предложил вернуться к остановке, я с ним согласилась, мы поднялись и вышли на улицу.

В начале седьмого к нам подъехали две машины – новенький и потому блестящий «Мерседес»-седан и выдавший лучшие годы джип «Тойота». Из «мерса» вышел парень лет двадцати восьми – тридцати, который, в противовес высокому и спортивному Андрею, был среднего роста, бритый почти под ноль, щекастый и уже обзавелся пивным брюшком. Подойдя к нам, он представился:

– Илья, – и с силой потряс наши руки, а мою затем даже поцеловал. Я была не в восторге, но пришлось терпеть. После знакомства бритоголовый брат Андрея полюбопытствовал: – Так где тачки с тряпьем? – Женя объяснил в двух словах. – Понял.

Тут из двух джипа высыпали парни в костюмах и почему-то с нательными кобурами. Кто они? ФСБ?

Пока мы глазели на ребят с открытыми ртами, Илья дал им задание отвезти машины в автосервис, а вещи привезти в замок. Затем мы втроем загрузились в седан, в котором все

это время оставался водитель.

Уже через час с небольшим глазам нашим предстало имение Серовых во всей красе: широкое открытое пространство, среди которого возвышался серый каменный замок аж в четыре этажа с двумя цилиндрическими башнями по бокам с конической формой крышами и почему-то почти без окон; основное здание, наоборот, имело множество больших окон, на первом этаже – вообще в полный рост, и на каждом висело по нежному тюлю с веселыми рюшками; за отделанным под старину сооружением виднелся красивый сад со множеством плодовых деревьев и цветущих розовых кустарников, в самом центре которого наблюдалась симпатичная беседка. Целиком всю землю Серовых обрамлял высокий кирпичный забор, охватить его весь одним взглядом было невозможно, он казался бесконечным.

Оглядев все это великолепие, я была сражена наповал и открыла от изумления рот, решив, что никуда отсюда не уеду. Даже через две недели. Даже через два года. Им придется выгонять меня пинками. А Женька открыто присвистнул.

– Ну как вам имение? – улыбаясь, спросил довольный произведенным на нас впечатлением Илья с хвастовством в голосе, но этот вопрос был риторическим, потому что ответ читался на наших лицах (Серов его уже прочитал, потому-то и улыбался).

Он вернулся к воротам и нажал пару кнопок.

– На ночь мы ставим территорию на сигнализацию. В деревне полно психов, ну вы понимаете, о чем я.

Я внимательно присмотрелась к забору: действительно, в двух местах проходили кабели – на уровне колена и глаз. Это сколько же нужно метров, чтобы опоясать... Посчитаю как-нибудь на досуге, это ведь мой профиль!

– Катюх, ты тут собралась ужинать? – позвал Жека. – Пошли в дом.

Дом? Чтобы такое строение назвать всего лишь «домом», нужно обладать недюжинным чувством юмора.

– Хорошо быть князем, пусть в каком-то там поколении. Хотя моя подруга вроде тоже родом из дворян, но живет в однокомнатной квартире с родителями, и они не имеют даже дачу. – Это я про Юльку.

– Во-первых, это показывает, как плохо ты знаешь историю. Аристократы были убиты, разграблены, сосланы или бежали из страны в период Гражданской войны. Так что я более удивлен тому, что кто-то еще остался, а не тому, как он живет. А во-вторых, хорошо быть не князем, а нефтяным магнатом, чтобы иметь все это. А дворянство – это сейчас понтово, потому легко покупается.

– Что покупается? – не поняла я.

– Ну документы там всякие, свидетельства, или как это называется, типа ты принадлежишь к старинному дворянскому роду.

– Ты думаешь, это неправда?

– Иной раз ты кажешься мне умной. Но сейчас не тот случай. Идем.

Илья тем временем уже скрылся за массивной дубовой входной дверью, и нам пришлось проявить всю свою прыть, чтобы быстро догнать его, не запутавшись в бесконечных коридорах замка. Вопреки моему предположению нашего временного отсутствия он не заметил, так как все эти минуты увлеченно бубнил сам себе под нос о достопримечательностях своего дворца, думая, будто мы идем рядом с ним и внимательно слушаем.

– Вот завелся, – шепнул мне Женя, пока мы искали возможность аккуратно к нему присоединиться, дабы не оскорбить человеческое самолюбие. Когда нам это удалось, Логинов, чтобы включиться в беседу или хотя бы приблизительно понять, о чем талдычил «нам» Илья, якобы не расслышав, переспросил: – Чего-чего сказал, Илюх? Прости, отвлекся на эту восхитительную картину. – Логинов ткнул наугад в одно из изображений на стене, которым оказалась полуголая рыжеволосая девушка, выполненная в стиле модерн – что-то наподобие плакатов Альфонса Мухи, только хуже и с внушительной долей пошлости.

Жека, заметив, что именно он якобы созерцал, да еще и с таким вовлечением, что прослушал всю лекцию, тут же убрал палец, однако Илья, хитро прищурившись, подмигнул, мол, понимаю и повторил:

– Я говорю, пару лет назад мы с отцом отреставрировали

немного фасад и полностью изменили внутренний интерьер. На первом этаже обитает прислуга и охрана, на втором – гостиная, столовая, игровая с бильярдом и настольным теннисом, проще говоря, все для людей. – Мы подошли к широкой лестнице и стали подниматься по красивой красной дорожке, держась за резные дубовые перила. Я хотела было спросить, чем прислуга и охранники отличаются от людей, коли, по его мнению, таковыми не являются, но раздумала: у богатых свои причуды. – На третьем, в основном, кабинеты и спальни для хозяев, так что разделять вас не будем, поселим всех на четвертый этаж в комнаты для гостей.

Мы прошли прямо по коридору, затем свернули налево и оказались в столовой, где и были остальные ребята. Помимо предателей Лены, Оли, Дрюши и Паши, за столом восседали три незнакомые личности: низкорослый, круглолицый, щечкастый и пузатый дядечка лет пятидесяти, одетый зачем-то в кимоно; высокий узкоплечий представительный мужчина слегка за сорок в дорогом костюме; пожилая женщина, выглядевшая лет на семьдесят – семьдесят пять, худенькая, достаточно высокая, с короткими седыми волосами.

Наше появление, кроме ребят, заметил лишь круглолицый. Оставшиеся двое из неразгаданных персонажей были заняты каким-то серьезным спором. А пузатый поднялся из-за стола, запахнул слегка распахнувшуюся от этого телодвижения японскую одежду, и полез здороваться с новоприбывшими за руку через весь стол со словами:

– Очень приятно, Вячеслав Тихонович, отец двух оболтусов.

Про себя хихикнув, мы тоже назвались и сели за стол. Я была немного удивлена тем, что Женька, оказывается, не знал ни отца, ни старшего брата Андрея, но, насколько я осведомлена, они стали дружить не так давно, а семья, по всей видимости, слишком занята, чтобы интересоваться его друзьями.

– Он так всем представляется? – шепнула я, поймав удобный момент, Андрею на ухо.

– Как вариант: отец двух лоботрясов, родивший этих лентяев, папан некоторых кровососов, в общем, по-разному, но суть одна. Но это он так шутит, так что улыбайся.

– А мы вас ждали, не ужинали, – с улыбкой до ушей заявил Вячеслав Тихонович.

– Во-во, – поддакнул Павел с таким недовольством, словно это его бросили в месте, которое вполне могло послужить декорациями к фильму «Поворот не туда». – Я, между прочим, завтракал еще в десять утра.

– Андрей, скажи, чтобы ужин подали. На десять персон. Серов-младший вышел, а спор тем временем разгорелся с такой силой, что по-прежнему не замечать его было чрезвычайно трудно.

– Инна Михайловна, – сказал настойчиво узкоплечий своему оппоненту. – Вы образованный человек, как вы можете верить во всю эту белиберду вроде гаданий, заклинаний, ве-

щих снов, приворотов... Это же абсурд!

– Абсурд – это быть таким узколобым материалистом, как вы.

– Я просто все еще в своем уме...

– Что?! – вытаращила глаза пожилая женщина, звавшаяся Инной Михайловной, вконец обозлившись. Честно говоря, пару лет назад я была всецело на ее стороне, однако за это время повзрослела и перестала верить в магию. Хоть этот мужик мне сразу не слишком понравился, но он, безусловно, прав. – Хорошо, сейчас вы мне не верите, – отдышавшись, продолжила женщина, видимо, ее задели за живое, – но я сделаю так, что вам придется поверить.

– Дорогая Инна Михайловна, только не надо угрожать. Я же адвокат и могу расценивать ваши слова как...

– Расценивайте как хотите, – прервала она. – Пусть сегодня же ночью вам и каждому, кто с вами согласен, приснится кошмар. То, чего вы больше всего боитесь. Если это единственный способ вас переубедить, то пусть будет так.

С тем она поднялась из-за стола и пошла к двери.

– А ужин? – озабоченно спросил «отец двух оболтусов».

– Я не голодна.

Стоило Инне Михайловне покинуть столовую, как вернулся запыхавшийся Андрей.

– Не мог повариху отыскать. Оказалось, она сама, вместе с горничной Альбиной, искала другую горничную, Ирину. По их словам, Григорьева ушла в деревню в продуктовый

магазин около трех часов дня и до сих пор не вернулась.

– Загуляла, небось, – высказался Илья. – Ладно, поди скажи ей, что ужинать будут только девять человек.

– Десять негритят собрались пообедать, – пробубнил себе под нос господин адвокат. – Один вдруг поперхнулся, и их осталось девять.

Тяжело вздохнув, Андрей снова пошел на первый этаж, а возвратился уже в компании девушки в белом переднике, рыжеватой штенки, и теткн средних лет в цветастом фартуке и поварском колпаке на голове, которые и начали накрывать на стол. Пока они выполняли свою работу, я шепнула Андрею:

– А сколько лет этой Ирине? – потому что сочетанию имени и фамилии было мне знакомо.

– Ей восемнадцать, точно это знаю, потому что мы с отцом поздравляли ее неделю назад. Я даже цветы купил, а Илья ругался, зачем, мол, прислуге такие почести.

Тот нас услышал:

– И правильно ругался! Совсем разбаловали их. Видишь, каков результат? Вместо того чтобы на стол накрывать и комнаты готовить к заселению гостей, она где-то шляется.

Я же высчитала дату рождения и ахнула: сюрпризы так и сыплются на мою голову, с тех пор как на жизненном пути появился этот замок.

– Андрей, ты не в курсе, она родом случайно не из нашего города?

Уже начавший трапезничать парень подавился и захлопал глазами:

– Откуда ты знаешь?

Рассказывать было долго, потому я просто отмахнулась.

Только мы начали угощаться, как у Ильи заверещал сотовый.

– Ребята отогнали тачки в автосервис, – поговорив с минутой по телефону и дав отбой, сообщил он нам. – А вещи все в целости и сохранности везут сюда. Удивительно, как они не пострадали, на автомобили-то взглянуть было больно.

Ольга и Дрюша с печальным выражением лиц кивнули.

Мы продолжили работать челюстями. Через некоторое время Ленка додумалась спросить:

– А почему те две женщины с нами не обедают? Те, что на стол накрывали?

Трое Серовых как-то странно переглянулись, Андрей разъяснил:

– Милая, они едят на первом этаже. Так уж вышло...

– Прислуга должна знать свое место! – добавил Илья и стукнул кулаком по столу, воззрившись на Ленку с такой злобой, точно она являлась его самым отпетым врагом.

– Думаю, вы совершенно правы, – томно протянула Оля, обращаясь к Илье и зазывно строя ему глазки.

Дурдом, подумала я и придвинулась ближе к Ленке, как к щиту, спасавшему от суровых реалий мира. На тот момент она казалась мне самым адекватным человеком из присут-

ствующих. Она тоже подалась ко мне поближе, но не с целью защиты, а чтобы пошептаться:

– Признавайся, почему ты так заинтересовалась этой горничной?

– Мне кажется, я ее знаю, – призналась я.

– Чего? Как это – кажется?

– Потом расскажу.

По приходе в свою комнату я первым делом пошла в душ (здесь, как в гостинице, к каждой гостевой прилагался свой санузел), а потом взялась распаковывать вещи, оказавшиеся на тумбе рядом с дверью – их принесли, пока я принимала водные процедуры. Содержимое первого пакета меня несказанно удивило. Сперва в руки попался маникюрный набор одной известной фирмы. Чье это? Я этого сюда не клала. К тому же пакет какой-то не такой, вроде у меня такого не было. В общем, все ясно. Горничная просто перепутала багажи. Может, это вообще не моя комната? Да нет, четко было сказано: вторая дверь справа. Плохо только, я не запомнила, как распределились остальные двери, услышала расположение своей – и вперед. Ну что за человек? Прав Женька, только о себе и думаю.

Зная, что поступаю неприлично, но оправдывая себя тем, что должна установить личность владельца, я полезла глубже в недра незнамо чьего пакета и обнаружила длинную майку-борцовку. Она была явно мужской. Так кто же хозяин вещей? Если девушка, то она использует мужскую майку как

ночнушку. Если парень, то он хорошо заботится о своих ногах. Хм, Андрей?

В подтверждение своей догадки я обнаружила целлофановый пакет, через прозрачную оболочку которого на меня смотрело с фотографии лицо Серова-старшего. Я вытряхнула содержимое пакета. Помимо фотографий, снятых несомненно издалека и как будто бы тайно от объекта, там была еще куча вырезок из различных местных и столичных газет, но с одной темой: Серовы. Основная часть статей была посвящена нефтяному бизнесу Вячеслава Тихоновича и развивающемуся охранному агентству, коим директором был Илья. Кое-где попадался и Андрей, как подающий надежды на будущую известность пловец, а ныне просто гордость института – газета была местной.

Что-то я сомневаюсь, чтобы Дрюша занимался такой фигней, как собирание всех публикаций о своей семье. Нужно во что бы то ни стало прояснить ситуацию, и сделать это можно двумя путями: первый – ждать, когда меня саму найдут и обменяют свои вещи на мои; второй – самой пойти искать всех сразу и у каждого спрашивать, его ли это вещи.

Посчитав более разумным путь последний, я вернула все вещи обратно в пакет так же, как они и лежали до моего вторжения, и, захватив вторую сумку, решительно вышла из комнаты.

Длинный-предлинный коридор тонул в полумраке. Замок как будто вымер: ни единого звука не было слышно, созда-

валось впечатление, что я одна во всем дворце. А время-то, между прочим, еще детское, половина десятого. Куда все подевались?

Я задумала первым делом обратиться к Андрею и с этой целью, нащупав перила, осторожно двинулась вниз по лестнице на третий этаж. Там было светло: горели бра, висевшие вдоль стен. Не успела я вступить в коридор, как наткнулась на Серова-старшего, который вышел мне навстречу из самой первой двери.

– Ой... Катерина Михайловна, если не ошибаюсь? – Я кивнула. – Отлично, какая хорошая у меня память! Сын много говорил о вас. Возникли трудности? Я могу чем-нибудь помочь? – Невзирая на любезный тон, было ощущение, что хозяину не терпится выставить меня из VIP-зоны. Он даже приобнял гостью за плечи и повел обратно к лестнице – но так вежливо, что я до конца не поняла, то ли это жест доброго ко мне расположения, и при этом ему в ту же сторону и было нужно, то ли выпроваживания.

– Я ищу Андрея. Не покажете мне его комнату? – попросила я.

– Андрюшу вы здесь не найдете, зря спускались. Он поднялся к своей невесте, и, думаю, сейчас не самое удобное время их тревожить. – Вячеслав Тихонович подмигнул мне и хихикнул. Я хотела было спросить, может ли пакет принадлежать его сыну, но Вячеслав Тихонович не дал мне сказать, продолжив: – Я собираюсь спуститься вниз к Нине. Она по-

вар и по совместительству мажордом, может, она выяснила, что там с Ириной?

– Как, она до сих пор не вернулась? – пришла я в ужас. Мне необходимо было поговорить с этим человеком, и я изо всех сил надеялась, что ничего плохого с ней не произошло.

– Нет. Меня это тоже наводит на неприятные мысли, видите ли, это очень ответственная и пунктуальная девочка. Возможно, что-то с ней случилось. Нина должна была позвонить ей домой.

Мы дошли до лестницы.

– А почему у нас на этаже так темно? Можно включить свет? – попросила я.

– Вам можно все, – шутливо отозвался он, поднялся со мной на один пролет и, остановившись на площадке между этажами, покрутил на стене какой-то рычаг. На нашем этаже тотчас вспыхнул свет. Пожелав мне спокойной ночи, Серов стал спускаться вниз.

Поднявшись на свой этаж, я решила положиться на случай: к какой двери приведет, туда и постучу. Случай привел меня к комнате Логинова, чему я несколько не удивилась.

– Твое? – строго произнесла я, сунув ему под нос два пакета – почти ударив его ими в лицо, если честно.

Логинов удивился, зачем это я ему подсовываю какие-то вещи, но послушно стал в них копаться.

– Нет, не мое. – А найдя пачку презервативов, добавил с грустью: – К сожалению!

Я тоже уставилась на нее, Женька же перевел наполненный подозрением и любопытством взор светлых глаз на меня, будто гадая, не использовала ли я это все как предлог прийти к нему. Я залилась краской от стыда, но, слава богу, до того как он успел ляпнуть что-то неподходящее, заставив меня краснеть еще сильнее, мы услышали громкий голос за спиной:

– Вот ты где, оказывается!

Я обернулась и увидела Ольгу. Та держала в руках все мои три сумки.

– Родненькие! – крикнула я и кинулась к ним, а Оля, не сообразив, кому или чему я так сильно обрадовалась, быстро обернулась, надеясь увидеть как минимум всю мою родню, и, не застав в коридоре никого, кроме нас троих, повернулась снова ко мне, удивленно пожимая плечами. Я забрала свой багаж, вернув Ольгин и чрезмерно радуясь, что вся эта дурацкая история с перепутанными вещами завершилась. – Так это все-таки твое? – кивнула я на интересный пакет.

– Да. Знаешь, как это все получилось? Мне Илюша рассказал. Слушай. – Жека тоже напрягся, будто это и его касалось, и мы обратились в слух. – Было сказано, что твои вещи лежат также в моей машине, но верхние пакеты в багажнике почему-то посчитали моими, а нижние два – твоими, поэтому они оказались у тебя в комнате. Вот и все.

Ольга нырнула вглубь коридора и вскоре исчезла за дверью, а мы так и стояли в прострации: имя собственное «Илю-

ша» очень резало слух. За какие-то несчастные два часа знакомства Илья для нее превратился в Илюшу.

– Ты была права, она действительно странная, – молвил наконец Евгений, и слова эти были для меня слаще меда. Я глянула на врага с благодарностью: наконец-то обрела союзника.

– Ты еще не знаешь, что она бубнила мне, пока мы ехали. – Я передала весь наш разговор про Андрея.

– М-да... – протянул он. – Пакеты-то тяжелые, давай помогу донести, – предложил Логинов, когда я развернулась в сторону своей комнаты.

Я радостно согласилась, и он проводил меня до двери.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Перерыв все пакеты в поисках комбинации, в которой собиралась спать, я нашла ее, конечно же, в последнем, да на самом дне, и, надев ее, наконец легла в постель. Перед тем как забыться сном, меня мучила одна странность в Ольгином поведении (вообще-то она вся целиком была суперстранная, но из всех ее странностей эта странность была совсем уж из ряда вон), а именно: зачем ей понадобилось собирать все статьи о семье Серовых?

Глава 3

Спала я плохо: донимали кошмары. Только ближе к утру я смогла окунуться в более или менее приятный сон, но, к сожалению, без четверти десять меня побудила Ленка, бесцеремонно вторгшись в чужую спальню.

– Помни, завтрак в этом доме ровно в десять, и все, кому нет нужды вставать раньше на работу, обязательно должны присутствовать в это время за семейным столом, – толковывала она мне, а я хотела ее придушить. Была б я дома, могла бы спать сколько захочу!

По дороге в столовую меня окликнул взъерошенный Логинов:

– Ты цела?

Удивившись, мы переглянулись с Ленкой.

– Вроде как. А что?

Женька немного успокоился и пригладил свои светлые волосы.

– Да ничего. Просто приснилось, что ты попала под трамвай.

– Под трамвай? – Честно признаться, меня это позабавило, я даже хихикнула. – Я их в глаза-то никогда не видела. На что они похожи хоть, на троллейбусы? – Дело в том, что в нашем родном городе этот вид транспорта отсутствует. В Москве я бываю, но нечасто.

Женька нахохлился:

– Ладно, забудь! – и первым вошел в столовую.

За столом собрались, помимо молодежи, как называет нас Серов-старший, адвокат, Илья, Инна Михайловна и сам Вячеслав Тихонович.

– Как спалось? – окинув всех сидящих цепким взглядом, полюбопытствовала Инна Михайловна у узкоплечего.

Тот и без того был какой-то скрюченный весь, сконфуженный, а после вопроса сразу как-то побледнел и жутко занервничал.

– Спасибо, спалось чудесно. – Однако произнес он это таким тоном, будто сам себе не верил.

– Понятно, – кивнула догадливая бабка. – Так что вы на этот раз скажете, любезный, про такую вещь, как заклинание?

– Ведьма, – произнес он одними губами, почти беззвучно. Но бабуленция тугоухостью не отличалась.

– Вот как?

Какой-то неестественный, прямо-таки загробный смех заставил нас всех обратить к ней взоры – это бабка так зловеще ликовала от своей победы. Мы даже задрожали, услышав этот потусторонний хохот, решив сперва, что сам граф Дракула оказал нам честь своим визитом, вселившись в тело Инны Михайловны, и, когда женщина замолчала, отсмеявшись, вздохнули с облегчением.

– Нельзя не верить во что-то просто оттого, что этого не

видишь, – продолжила она умиротворенно. – Всем известно, что в соседнем замке уже более половины века происходят разные мистические ужасы. Этого нельзя объяснить, но это происходит.

Все гости замка – я, Ленка, Ольга, Паша и Жека – повторно вздрогнули и переглянулись. Мало того что все наши знакомые ездят отдыхать в Турцию, а мы попали в настоящий каменный замок, сильно смахивающий на средневековый европейский, так еще и совсем рядом, оказывается, творятся «разные мистические ужасы»! Одним словом, каникулы удалась, едва начавшись.

– Я могу это объяснить, – взбодрился адвокат. – Это вы переодеваетесь призраком и гуляете по соседнему замку, дабы все поверили в ваши сказочки!

– Прекрати, Щавелев, – скривился Илья. – То, что ты говоришь, – это полная чушь. К поведению моей няни все давным-давно привыкли, а тебе стыдно рассуждать про призраков. – Узкоплечий надулся и замолчал. – Запомните все: ни в этом, ни в том замках ничего таинственного не происходит. Там вообще уже громадное количество времени никто не живет. – И добавил с улыбкой: – Не пугайте наших гостей.

Честно говоря, я не знала, к чьему лагерю примкнуть. С одного бока, нет дыма без огня, с другого же, тяжело представить, что где-то на самом деле водятся привидения, пусть даже в старом и заброшенном замке.

– Деточка, – обратилась Инна Михайловна к Ольге. – Ва-

ше лицо мне очень знакомо. Мы нигде ранее не встречались?

– Со мной? – удивилась Оля, жуящая бутерброд. – Нет, что вы. Да и где нам встречаться?

– Вы не отдыхали случайно в санатории «Ели да сосны»?

– Да я вообще ни в одном санатории не отдыхала еще... – растерялась девушка.

– Просто это единственное место, где я бываю, помимо замка. Ну ладно, вспомню потом.

Пользуясь тем, что Андрей сидел рядом со мной, я приблизилась к его уху и спросила:

– Почему Илья назвал Инну Михайловну няней?

Серов, также шепотом, ответил:

– Потому что она наша няня. Пока родители налаживали бизнес, их почти никогда не было дома, она сидела с нами, когда мы были маленькими. Ну, правда, Илья уже был подростком. Когда мы выросли, она осталась жить с нами и по праву считается членом семьи.

– Сколько она с вами живет?

– Э-э-э... Дай вспомнить...

– Пятнадцать лет, – в полный голос подсказала «член семьи».

«Она не то что не больна тугоухостью, а вообще имеет отменный слух для своих-то лет!» – вынуждена была я констатировать. Мысленно, конечно.

– А Андрюшка – весь в отца! – с гордостью осведомил нас Вячеслав Тихонович совершенно не в тему. Впрочем, ко-

гда собирается компания, отследить все диалоги невозможно, так что очень может быть, что он как раз таки поддержал начатый кем-то разговор.

Сидящие за столом осторожно, по возможности незаметно для Серова перевели взгляд с красавца сына, высокого, стройного и подтянутого брюнета, на колобка отца. Чтобы Дрюше «быть в отца», ему необходимо обзавестись поросычьею лысиной, укоротить себе ноги и чуточку прибавить в весе. Центнера полтора, не больше.

– А Илья-то на вас ну совершенно не похож, – проблеяла Ольга, кокетливо поправила волосы и подмигнула среднему Серову. Ради справедливости стоило сказать, что комплекция Ильи как раз была ближе к отцовской.

– Да, – согласился Тихонович. – Илья пошел в деда, отца моего. Я-то в мать свою уродился, а он, значит, в Тихона. Страшный был человек, скажу я вам!

– Ты деда не тронь! – стукнул Илья по столу, как делал довольно часто, а Оля закатила глазки к потолку и ахнула, дескать, какой мужчина.

Но отец проигнорировал резкость сына и как ни в чем не бывало продолжил:

– Старшой мой любил деда, ой, любил! Больше, чем отца родного. – Илья это заявление оспаривать не стал, что без слов говорило о правдивости высказывания. – Буквально боготворил, во всем его слушал! А отца моего боялись, ох, боялись, всё Медведково в страхе держал. Да и семья его по-

баивалась, включая меня самого.

– Па, хватит, – попросил, сморщившись, Дрюша. – Ну сколько можно про деда?...

– А младшой мой отца больше любит. Да и сам я его больше всех люблю! – Совсем неожиданно для всех Вячеслав Тихонович чмокнул Андрея в лоб, перегнувшись через весь стол и уронив при этом половину чашек и сахарницу.

Илья, будучи не в силах выдерживать более дурашливость папаши, отвернулся. Больше его лица я за завтраком не видела.

Мне поведение «акулы бизнеса», судя по статьям в газетах, тоже было непонятно; очевидно, это одна из тех семей, где всем заправляет женщина, а подпись мужа на документах – формальность для успокоения партнеров по бизнесу мужского пола. Все-таки даже в нашем современном мире к женщинам по-прежнему иногда относятся снисходительно.

– Давно дед Тихон умер? – включилась в разговор вежливая Лена.

– Двенадцать лет назад. Почти девяносто лет чертяга прожил, – ответил дядя Слава и засмеялся. Выражения лица Ильи нам видеть не довелось, но, думается, он был не в восторге. – Наконец село смогло вздохнуть спокойно. Илюхе шестнадцать было, переживал страшно. Чего не скажешь обо мне. – И опять захохотал, а я всерьез задумалась об обществе, в которое попала. Илья обожал деда и, похоже, недолюбливает отца. Сам отец вообще примечательная личность:

папу своего ненавидел и боялся, младшего сына любит куда больше старшего только потому, что последний похож характером на его отца. То есть на Тихона. Да-а, очень хотелось бы взглянуть на их маму и убедиться в своих предположениях, жаль, она отдыхает сейчас на островах. С тем, что Ольга странная, мы разобрались еще раньше, к тому же она активно клеится к Илье. Инна Михайловна вообще какая-то колдунья, читает заклинания, насылает кошмары, хохочет. В довершение ко всему исчезла служанка.

Только я вспомнила о пропавшей горничной, как в столовую вошла, предварительно постучав, повариха Нина.

– Вячеслав Тихонович, вызывать полицию или подождать? Аля в истерике бьется, боится в село за продуктами ходить.

– Ну, Щавелев, что скажешь? – обратился к надутому адвокату Вячеслав Тихонович. Господи, хоть имя-то у него есть, у этого Щавелева?

– Когда ее видели в последний раз? – спросил адвокат деловито, простив всех и сразу, так как почувствовал, что в нем нуждаются.

– Около трех дня вчера, – ответила Нина.

– Раньше чем через два дня и соваться не стоит.

Кстати, Щавелев в своей странности остальным нисколько не уступает, раз позволяет так с собой обращаться. И все им помыкают, и все «тыкают», а Илья больше всех, хоть и моложе на десяток с лишним лет. Что это за обращение такое

– Щавелев? К солидным мужчинам в возрасте обращаются, как правило, по имени-отчеству, по фамилии же, по-моему, лишь одноклассники величают друг друга, да и то класса до восьмого. А если нужно будет что-нибудь у него спросить, как я начну: «А не скажете ли, Щавелев?...» Невзирая на то, что я снискала славу самоуверенной грубиянки, даже я так не смогу. Будем уповать на то, что разговаривать с ним никогда не придется.

После завтрака я намылилась идти на разведку в Медведково и позвала с собой Ленку. Подруга искренне не поняла, что мы там забыли, но согласилась составить мне компанию.

Деревня была не сказать чтобы такой уж маленькой. Домов пятьдесят-шестьдесят, но все они, как на подбор, деревянные и одноэтажные и со своим огородом. Никаких тебе безумных буржуйских построек из красного кирпича или черного мрамора. Это почему-то радовало и вызывало чувство защищенности и даже какую-то трогательную ностальгию. Широкая пыльная дорога разделяла деревню на две приблизительно равные части и вела к небольшому продуктовому магазину.

От замка Медведково отделял пригорок, поэтому по прибытии сюда наблюдать деревню мы не могли. Зато теперь, поднявшись на эту выпуклость, мы с подругой внимательно смотрели вниз: приглядывались.

– Ну и куда мы держим путь? – спросила немного понурая

Ленка. Грусть-тоска ее заключалась, скорее всего, в том, что я позволила себе разлучить на время подругу с ее ненаглядным, да еще и неизвестно по какой причине.

– Мы должны отследить все передвижения Ирины в день ее исчезновения.

– Зачем?

– Вдруг она нуждается в нашей помощи? Может, ее похитили и теперь издеваются над ней? Или еще хуже?

– Ну ты насочиняла! Но даже если так, зачем нам-то ее искать? Пусть полиция ищет.

– Они не возьмутся за это дело, пока не пройдет необходимый срок. Ты же слышала Щавелева.

– Но почему ты так переживаешь за эту девушку? Откуда ты ее знаешь?

Я вздохнула. Пришло время все рассказать.

– Я даже не уверена, что это она. Но очень многое сходится. Мы проучились вместе весь первый класс. Ту тоже звали Ира Григорьева. Мы сдружились почти сразу, сидели рядом. Помнишь, я говорила, что в детстве заняла последнее место в конкурсе пения? Это был дуэт.

Ленка кивнула сперва неуверенно, еще не понимая, куда я клоню, но потом на ее лице отобразилась вспышка озарения:

– Так ты с этой Ириной участвовала в конкурсе?

– Да. Класс у нас был не слишком приятный, нас подняли на смех после того, как мы опозорились на конкурсе. Но я-то и тогда умела постоять за себя, а Ирка была робкой и за-

мкнулась еще больше. Затем она просто не пришла в школу, и учительница сказала, что они поспешно переехали в другой город. Надеюсь, что это было не из-за насмешек одноклассников, но...

– Ты хочешь это выяснить?

– Ну да! Мы с ней дружили, телефон домашний был у обеих. Почему она не позвонила и не сказала, что уезжает? Не дала адрес, чтобы письма писать? Вернувшись из школы, я тут же набрала знакомый номер, но телефон был уже отключен...

– Наверно, она нашла там новых друзей и просто забыла о тебе, – пожала плечами Ленка. – Знаешь, как это в детстве бывает.

– Возможно. Итак, – поторопилась я сменить тему, – нам известно, что вчера в районе трех часов пополудни она отправилась за покупками, так?

– Так.

– Вот. Чтобы идти за ней след в след, мы должны отправиться куда? А вон туда, – ответила я на свой собственный вопрос, ткнув пальцем в нужном направлении, но Лена это направление не поняла, так как стояла ко мне не вплотную и проследить, на что указывал палец, не могла. Я отставила в сторону жестовый способ общения и пояснила вербально: – В магазин. К сожалению, большей информацией мы не располагаем. Или располагаем?

– А?

– Ну, Андрей не рассказывал тебе ничего?

– Рассказывал. То, что доложили Колян с Толяном.

– А кто это?

– Личная охрана Серовых, самые доверенные лица. Они опросили всех жителей...

– Всех?! – изумилась я и снова оглядела все дома, пытаюсь представить себе численность жителей. И так и эдак выходило не менее ста.

– Ты не знаешь людей Вячеслава Серова! Они опросили абсолютно всех, кто на тот момент находился в деревне. Короче говоря, две трети вообще не знали, о ком идет речь, и по фотографии не опознали. Третью же, знавшая Иру в лицо, не виделась с ней несколько дней. Лишь пара человек пересеклись с ней возле входа в магазин, они выходили – Ирина собиралась войти. Вот, собственно, и все.

– Однако многие знали ее лично, – подивилась я.

– Те, кто часто таскается за продуктами, сталкивались с ней в магазине, вот и идентифицировали по фотографии. Но они с ней не общались, так что мы только зря теряем время.

– Постой! – вдруг осенило меня. – В какое время они всех опрашивали?

– В период с без четверти девять до полуночи, а что?

– А то, что магазин, скорее всего, работает до семи. В крайнем случае, до восьми. Значит, продавца не опросили. А он, возможно, что-либо видел. Идем, – кивнула я в сторону пыльной дороги, ведущей к продуктовому, и мы поскака-

ли вниз с возвышенности, будто являлись горными козами и скакать было нашим призванием.

– Может так оказаться, что у них работа сменная и вчера торговал другой продавец, – проявляла по дороге Ленка чудеса сообразительности, но, скорее, причиной этому являлось примитивное упрямство.

График работы, висевший на окне, гласил: с девяти до двадцати, а значит, я была права. Уверенности во мне прибавилось, и я решительно вошла в открытую дверь одноэтажного каменного здания, покрашенного в белый цвет. Лена следовала за мной. Покупатель был только один – махонькая старушка, которая, забыв убрать в свою необъятную авоську только что купленные пачку соли, батон хлеба и пакет молока, с любопытством уставилась на нас.

– Скажите, – обратилась я к даме за прилавком – женщине лет сорока с очевидными признаками алкогольной зависимости на простоватом лице, – вы случайно не знаете горничную в замке Серовых, Ирину?

– Знаю, – кивнула продавец, чем заставила меня чуть ли не петь от счастья. – Часто приходит за покупками. Очень милая девушка.

Бабка все еще бестактно пялилась.

– Вам известно, что она исчезла? – спросила я продавца.

– Да, местные только об этом и трезвонят. Говорят, бандюги ее разыскивали, всю ночь жителей пытали своими вопросами.

Мы с Ленкой переглянулись. Женщина и думать не могла, что мы пришли из тех же мест, что и так называемые «бандюги».

– Вы каждый день здесь работаете? – Женщина кивнула. – И вчера тоже? – Снова кивок. – В таком случае вы должны нам помочь. Мы пытаемся разыскать ее. Похоже, вы – последний человек, кто видел ее живой и невредимой.

Женщина удивилась:

– Как же так?

– Чтобы ее отыскать, мы следуем ее маршрутом. Около трех часов Ирину видели возле этого магазина. Скорее всего, она заходила внутрь. Далее – концы обрываются.

– Да, я помню, что вчера она приходила.

Неожиданно в диалог встряла бабка:

– А че ее искать-то? И искать-то нечего.

– Вы знаете, где она? – с замирающим сердцем спросили мы с Ленкой.

– А то как же. Варламовы ее забрали.

– Кто это такие? Друзья ее? – полезла я за уточнениями, однако, осознав, что эту фамилию не так давно от кого-то слышала.

– Ха. Вы что, не знаете? Ее забрали духи. Духи Варламовых, – таинственно прошелестела старушенция. Мне сразу стало не по себе от упоминания о загробной жизни. – В ихнем пристанище у каждую ночь духи зверствуют. Дошел слух, шо при жизни уся их дворянская семейка была черно-

книжниками. Иначе же ж они под советские репрессии не попали?

– Софья Галактионовна, ради бога, не пугайте девушек! – выступила продавщица. Правильно сделала, а то Ленка уже готовилась потерять сознание. – Никаких духов на самом деле нет.

– Да? Нет духов? Что ж тогда люди пропадают?

– Что, были другие случаи? – проявила интерес моя подруга.

Деревенская жительница напустила в глаза побольше тумана, а в голос – больше замогильности и пропела:

– А кто ночью в Варламовых замок попадает – не возвращается. – С этим она наскоро попижала в авоську покупки и быстрым галопом понеслась к выходу, но там была вынуждена притормозить, наткнувшись на типа бродяжного вида.

– Софья Гадостионовна, дайте на хлебушек!

– Кышь пошел, окаянный! Ты ж смородину мою всю перелопатил, вор кощунственный! Волкодавец этакий!

Согласна, Даль такого не слышал за всю свою жизнь.

Парень не на шутку перепугался от такого обвинения и заголосил:

– Не я, клянусь, не я!

– Тьфу, антихрист. – Старушка смачно сплюнула и почала восвояси.

– Это кто? – кивнув на парня, полюбопытствовала вполне

голоса у продавца Елена, которая была по натуре брезглива и имела чувство стиля, так что неряшливо одетых людей недолюбливала вплоть до боязни прикоснуться и испачкаться.

– А, это местный сумасшедший, – махнули рукой ей в ответ. – Не обращайтесь на него внимания.

Мы последовали ее совету и, отвернувшись от него, попросили женщину рассказать все, что она помнит про вчерашний приход Ирины в магазин.

– Ну, покупателей-то много за день, сами понимаете, всех не упомнишь, поэтому, что купила Ира, не скажу, но припоминаю, что ушла она с туго набитыми пакетами.

– Она ничего интересного вам не говорила? Например, куда-то должна была зайти или с кем-то встретиться? И как она вела себя? Нервничала, спешила?

– Нет, мы общались только по делу: она сказала, что ей нужно, я сообщила сумму. И выглядела она как обычно.

– Ясно. Спасибо.

– Я сегодня не усну! – пожаловалась мне Ленка, когда мы остановились уже довольно далеко от магазина. – Старушенция умеет запугивать!

Да, мои мысли тоже периодически возвращались к этой теме. Вот, оказывается, о чем говорила за завтраком Инна Михайловна. Про замок Варламовых, в котором постоянно происходит что-то мистическое. Но там же вроде никто не живет, если верить Илье. Откуда тогда все вокруг знают, что там что-то творится?

– Стойте! – прокричал сзади мужской голос.

Мы обернулись: нас догонял тот самый «местный сумасшедший», что клянчил у Софьи Галактионовны деньги на хлеб, называя ее при этом «Гадостионовной» и весьма попадая при этом в самую суть. Чего греха таить: старушка мне не понравилась. А вот он сам очень не понравился моей подруге.

– А-аа!! – пронзительно заорала она и спряталась за меня, доказывая это.

– Вы, кажется, интересовались ангелом? – спросил он, подойдя.

– Кем?!

Бродяга закатил глаза. Он имел в составе своей внешности такие выразительные атрибуты, как длинные русые волосы, заплетенные в дохлую косичку, высокий лоб с двумя продольными морщинами, что говорило в пользу сильно развитого интеллекта, и узкие, почти нитевидные, губы. Этими же губами он пустился в пояснения:

– Вы интересовались красавицей, которая служила у Серовых? Прекрасная незнакомка, в нее можно влюбиться с первого взгляда. Красавица! – Мы пожали плечами, мол, не знаем, как выглядела. – Что Яша и сделал.

– Что он сделал?

– Яша влюбился в ангела с первого взгляда!

– Кто такой Яша? – поинтересовалась из-за моей спины Лена.

– Боже... – Похоже было на то, что своей непроходимой глупостью мы его ужасно раздражали. – Яша – это я!

– Поэт хренов, – шепнула мне на ухо подружка, а он продолжил:

– Яша видел вчера своего ангела возле магазина.

– Да, там-то ее следы и теряются, – расстроено произнесла я.

– Яша следил за ней! Уже после того, как она вышла!

Мы тут же загорелись, поняв, что приобрели ценного информатора в лице «поэта» Яши.

– И долго Яша следил за ангелом? – сглотнув, задала я вопрос, настроившись на его волну.

– Да, и Яша знает, куда она направилась, – прошептал он.

Боясь спугнуть удачу, я осторожно вымолвила:

– Но Яша ведь скажет нам, куда она пошла?

– Яша все скажет, – также тихо заверил он и, неожиданно повысив голос до крика, потребовал: – Дайте Яше на хлеб! Дайте на хле-еб!!

Протянутая попрошайкой рука сильно затряслась, создавалось ощущение, что у парня наступила ломка. Чтобы унять эту дрожь, доверчивая Ленка, решившая, что без хлеба Яков умрет и мы потеряем ценного свидетеля, достала из сумочки кошелек и досадливо протянула, заглянув внутрь:

– Но у меня только пятьдесят, мелочи нет.

– Давайте, подойдет, – обрадовался бродяга, но, испугавшись, что его могут обличить в обмане, снова затряс рукой,

на этот раз уже с большей амплитудой.

Испуганная Ленка быстро сунула купюру в совершающую колебательные движения руку. Привычным жестом бомж-сумасшедший сунул деньги в карман вонючей, дырявой в подмышках тенниски.

– Яша шел за ней, Яша проводил ее до места, куда она шла. Пойдем, Яша покажет дорогу.

Яша тронулся («тронулся» не в смысле умом – этим он давно страдает, а в смысле «в путь»), и мы следом за ним. Через пять минут он остановился. Угадайте где? У высокого кирпичного забора с кодовым замком на воротах, того самого места, откуда мы и начали свой расследовательский путь.

Я почувствовала, что прихожу в бешенство:

– Боже, это ее обычный маршрут! Она каждый день так ходила! – орала я. – Ты чокнутый псих, тебе ничего не стоит дни перепутать! Вероятно, что это было не вчера, а вообще два года назад!

– Яша уверен, что это было вчера. Яша точно знает: вчера.

– Да откуда Яша может это знать? Что он вообще понимает, твой Яша?! – Я чуть не плакала. Было жалко себя, жалко Ленку и потраченного впустую времени, которое, как известно, – деньги. Кстати, полтинник тоже жалко. Жалко даже этого больного человека, который путает все дни, точно помнит только свое имя и называет себя исключительно в третьем лице; который уже не обижается на такие определения, как «чокнутый» и «псих», стоит себе, самозабвенно лыбится

с абсолютно даунским выражением лица и зачем-то лезет в грязный карман. Нет, это совершенно верно, что Ирина обратно не вернулась, иначе бы об этом все узнали. Зачем им это скрывать, не могли ж они сговориться, в самом деле? Что же за лапшу этот Яша нам тогда вешает?

– Яша уверенно повторяет: вчера. И он может это доказать!

– Ты можешь это доказать? – высунулась-таки из-за моей спины Ленка. Всю дорогу пряталась, и на тебе, выплыла.

– Да, могу! То есть, Яша может! А, какая разница... – махнул он рукой. – Смотрите!

Бродяга вынул наконец ладонь из мятого кармана, явив свету полароидную фотокарточку, и протянул ее нам. Мы резво выхватили фото из его рук и стали с жадностью его разглядывать. Черноволосая, стройная девушка набирала код. Рядом, прислонившись к воротам, стояли увесистые пакеты, из одного выглядывал желтоватый багет, из второго пачка макарон. Снята Ирина была сбоку и с довольно близкого расстояния, что наводило на определенные мысли. В левом нижнем углу стояла вчерашняя дата и время: 15:32.

– Эй, а как к тебе попала эта фо... – Я оторвалась от созерцания интересного снимка да так и застыла на полуслове: рядом с нами никого не было! Куда мог деться этот Яша вместе со своим раздвоением личности за такой короткий период на почти открытом пространстве? Если только в воздухе растворился...

Лена тоже подняла голову и ахнула:

– Он нам, случайно, не приснился? – Я посмотрела на фото в своих руках и пожала плечами. – Чудеса...

Глава 4

С минуту мы молчали, затем Ленка спросила:

– Тебе не кажется странным, что у бомжа полароид? Да и карточки под него редкие и дорогие. А в наши дни их, наверно, вообще не достать.

– Я уже об этом думала. Может, украл где? – хотя я сама понимала, что мой вопрос прозвучал немного глупо. Наверяд ли Яков умудрился раздобыть работающий фотоаппарат с комплектом карточек. – У тебя не создалось впечатления, что это блеф?

– В смысле?

– Ну, такое ощущение, что нас водят за нос с целью сбить с толку, направить по неверному следу?

Подружка вторично ахнула.

– Думаешь, бомж подставной?

– Не знаю, – пожалала я плечами и сделала шаг к воротам. – Слушай, они ж закрыты!

– Так мы сами их за собой и заперли, выходя. Они автоматически запираются.

– Как внутрь-то попасть?

– А я код знаю! – похвастала она. – 248. Запомни, вдруг пригодится?

Мы вошли во владение. С этой историей исчезновения было явно что-то не так. В то же время, про любое исчезно-

вание человека можно сказать «что-то не так», но то — любое, а это произошло прямо на глазах и не с кем-нибудь, а с моей бывшей подругой, да еще и сюда вплетается мистика. Я твердо решила, что не отступлюсь, пока не установлю истину. Этого требует долг: как ни крути, но это я со своим неугомонным, склонным к авантюрам характером втравила стеснительную девочку Иру в мероприятие под названием «Алло! Мы ищем таланты», убедив ее в том, что мы хорошо поем, а стало быть, именно я стала виновницей того, что ей пришлось уйти из школы. Дай бог, конечно, чтобы это было не так и чтобы у переезда оказались иные причины. Вот когда отыщу ее, тогда и спрошу.

Я снова подняла к глазам снимок, теперь уже более пристально вглядываясь в профиль девушки. Столько лет прошло... Она это или не она?

Мысленно пожав плечами, я убрала фотографию. С чего деревенская старуха взяла, что исчезновение замешано на сверхъестественном? Зачем бомжу ее фотографировать? Ничего не понимаю.

Лена, как оказалось, тоже была зачарована происходящим.

— Если она была в замке после того, как сделала покупки, то ее должен был кто-нибудь видеть! Почему они молчат об этом?

— Значит, есть причины... — У меня появилась идея. — Слушай, мы можем спросить у мажордома, кто был здесь

в половине четвертого. Теперь, когда мы знаем точное время ее возвращения, будет проще отследить перемещения остальных.

– А что, это мысль!

Мы успели дойти до второго этажа, потому стали спускаться в поисках повара Нины – она же мажордом. Та обнаружилась в кухне.

– Что, не понравился завтрак? – едва увидев нас, испуганно запричитала повариха. – Так я и знала, так и знала...

Мы бросились отрицать:

– Нет-нет, все было очень вкусно. Мы насчет пропавшей горничной. Скажите, вы уверены, что она не возвращалась?

– Не вернулась, – печально вздохнула Нина. – Как ушла вчера днем, так ничего о ней не слышно.

– Мы пытаемся разыскать Ирину, – сказала я твердо. – И вы можете нам помочь. Вспомните, пожалуйста, точное время ее ухода.

– Ой, девушка, а вы в полиции работаете? – Только я хотела покачать головой, как она добавила, сразив вашу покорную слугу наповал: – А я сразу это поняла, можете не отвечать. У вас взгляд цепкий и уверенная осанка, будто ничего не боитесь и знаете, что вас не так-то просто обмануть. Так смотрят опера.

Я сперва изумилась необычному комплименту, но потом вынуждена была признать: я любопытна, обожаю копаться в чужих историях и в начальных классах мечтала стать мили-

ционером или следователем, тогда как сверстницы спали и видели себя моделями. В чем-то Нина, безусловно, права.

– Не я, брат. Ждать, когда местные возьмутся за дело, –дохлый номер. А брат всегда говорит, что в таких случаях ценен каждый час. Если я узнаю что-то важное, я его подключу к расследованию, – ответила я полуправдой. У меня в самом деле имеется двоюродный брат, трудящийся в отделе дознаний городского УВД. Конечно, убийства и всяческие зверства – не его епархия, к тому же почти не общаемся, но все же...

Мой ответ пришелся ей по душе. Кивнув, она стала рассказывать:

– Дело было так. Ровно в три часа спустился Илья, сказал, что сейчас приедут гости и нужно закупить побольше продовольствия. Еще пожаловался, что в такую жару хочется холодненького пива, и велел купить ему две бутылки. Ириша полазила по шкафам и холодильнику, чтобы определить, какие продукты заканчиваются, собралась и вышла. Это все заняло не больше пяти минут.

Ага, значит Ира покинула здание примерно за полчаса до того, когда была сфотографирована возле ворот уже с полными сумками. Что ж, по времени все совпадает: до магазина идти меньше пятнадцати минут.

– А кто, кроме Ильи, был дома?

– Да все почти. Мы с Альбиной, персональные охранники Анатолий и Николай, Вячеслав Тихонович, Инна Михай-

ловна.

– А Щавелев?

– Адвокат с утра уехал по каким-то делам и вернулся как раз перед вашим приездом, – она посмотрела на Лену, имея в виду приезд первой партии нашей компании. Вспомнив об этом жутком предательстве, я со всей злостью, которую только могла в себе обнаружить, воззрилась на иуду Ленку, но та и бровью не повела.

Так как следы горничной обрывались в 15:32, я задала следующий вопрос:

– Вспомните, пожалуйста, где вы находились вчера в половине четвертого дня. Не удивляйтесь. Поверьте, это очень важно.

В эту минуту на кухне нарисовался брошенный на время своей возлюбленной и беспросветно от этого страдающий Андрей. Не знаю, слышал ли он конец разговора, но мне бы этого отчаянно не хотелось. А ну как потребует объяснений, почему я устроила допрос его служащей и на каких основаниях.

– Ну и где, позвольте спросить, вы пребывали? – дурашливо поинтересовался Андрей у Лены. – И, главное, с кем?

– С накачанным мачо в стрип-клубе, – отшутилась она.

– Ага. – Он почесал затылок. – А с дряблым студентом в беседке – не хочешь?

– Это приглашение? – Серов кивнул.

Ленка виновато на меня посмотрела, я, вздохнув, кивну-

ла, мол, разрешаю и зла не держу, и они отчалили в яблоневый сад, в беседку.

– Вернемся к нашим овцам? – улыбнулась я поварихе. – Где вы были в три тридцать? Да и все остальные.

– Мы с Альбиной были в прачке.

– Что это?

– Мы так именуем комнату, в которой стираем, высушиваем и гладим одежду. Это здесь же, на первом этаже. А все остальные были наверху.

– И охрана?

– Да, их вызвал к себе Вячеслав Тихонович.

– А разве не Илья их начальник? – удивилась я, памятуя о вырезках из газет, где говорилось об охранном предприятии старшего из сыновей.

Нина покачала головой:

– Нет, Вячеслав Тихонович пожелал иметь в телохранителях двух братьев-каскадеров, в прошлом побывавших в военных точках. Среди ребят Ильи таких выдающихся личностей нет.

– Скажите, а вы ничего не слышали подозрительного в тот момент?

– Ничем не могу помочь, – пожала плечами женщина. – К сожалению, из прачки ровным счетом ничего не слышно. Там работает шумная вентиляция, она включается автоматически, стоит лишь зажечь свет. Этот звук ужасно раздражает, поэтому мы давно уже принесли туда магнитоу и гла-

дим под громкую музыку.

Я из интереса попросила проводить меня в эту комнату. Да, в постоянном вентилировании помещение явно нуждалось: кругом сырость, на стенах с облупившейся краской кое-где даже плесень. Окон нет, дверь мощная, плотно закрывающаяся. Вдоль стены две стиральные машинки, тут и там протянуты веревки для сушки вещей, две гладильные доски в сложенном виде приставлены к стене. В углу тумба с магнитолой и высокий шкаф с дверцами, наверняка служащий для хранения всяких порошков, чистящих средств, ополаскивателей, поломочных тряпок и так далее. В целом комната выглядела нуждающейся в ремонте, на что я и указала Нине, добавив:

– Здесь долго находиться вредно для здоровья.

– А Илье наплевать на наши мучения и на наше здоровье. Он говорит, что замок – это не пятизвездочный отель, и все в нем должно быть соответствующим средневековой обстановке.

– А как же Вячеслав Тихонович? – по дороге обратно на кухню продолжала я возмущаться. – Вы говорили ему?

– Он старается не спорить с сыном, а официально замок числится за Ильей Вячеславовичем. Впрочем, он и так его безраздельный владелец. Вячеслав Тихонович предпочитает жить в своей немалой квартире, он здесь, пока жена на Мальдивах. А этот заиклился на своем знатном происхождении, трясется над именем, как курица над яйцом, любит пускать

пыль в глаза, – разоткровенничалась мажордом. – Говорят, что дед его такой же был.

– Странно как-то, что замок отошел внуку в наследство, а не сыну.

– Они с дедом были очень близки. Потому он составил завещание на Илью.

Я ожидала, что будет продолжение, раз уж Нина пустилась во все тяжкие и начала сплетничать, но его не последовало: женщина осеклась и прикусила язык. Хотя что интересного она могла поведать? Про особую близость между Ильей и умершим «чертягой» Тихоном я уже благополучно знала.

– И сколько времени вы пробывали в прачечной? – вернулась я к допросу, усаживаясь за стол.

Нина села неподалеку.

– Сразу, как Ира ушла, и не выходили оттуда до начала пятого. Один раз Аля вышла попить воды и все.

– Понятно. Скажите, вы были близко знакомы с Ириной?

Нина вздрогнула при слове «были». Она верила в то, что если с Ирой и не все в порядке, то она все равно жива. Не знаю почему, но с данного момента я стала уже в этом сомневаться.

– Да нет, в общем-то. С Алей они состоят в более близких отношениях. Сами понимаете, один возраст, одна работа – найдется, о чем поболтать.

Я кивнула, соглашаясь с логичностью ее размышлений.

– А где она сейчас?

– В комнатах убирается. Позвать?

– Да, если ее не затруднит уделить мне пятнадцать минут.

Альбину не затруднило, и через минуту она предстала передо мной в строгой черно-белой униформе и переднике, рыжеватые волосы были собраны в тугий пучок. Этакая Джейн Эйр современного разлива.

– Брат Екатерины Михайловны поможет разыскать Иру, – пояснила мой интерес Але повариха и оставила нас наедине. Я слегка покраснела из-за своей лжи, но отступать было поздно.

– Вы обратились к брату? Зачем?

Меня передернуло от ее «выканья»: Аля была старше меня года на два от силы.

– Давай перейдем на «ты», – смущенно молвила я.

– Нельзя, Илья Вячеславович не разрешает.

– А он и не узнает.

Альбина подумала и кивнула.

– Это Ира? – решилась-таки я предъявить загадочную фотографию.

– Да. – Она повертела фотку в руках. – А откуда это у тебя?

– Один псих всучил, – усмехнулась я. – Расскажи, ты знала о личной жизни Ирины?

– Зачем это тебе? Послушай, ты зря теряешь время, с Ирой ничего не случилось. И брату своему скажи.

– Вот как? – неподдельно удивилась я. – Почему ты так

уверена?

Пауза.

– Интуиция, если хочешь.

Я нахмурилась.

– Странно слышать это от человека, который еще за завтраком, то есть, – я посмотрела на циферблат, – всего четыре часа назад, бился в истерике по поводу пропавшей подруги. Подозрительная метаморфоза, не правда ли? Похоже, ты что-то знаешь, но решительно не хочешь об этом говорить.

Альбина упорно молчала. Что-то не давало ей афишировать свои знания, однако чувствовалось, что если чуть-чуть надавить на нее, то Аля расколется, как лесной орех под ударом молотка.

– Послушай, Альбина, у нас с тобой есть два выхода: первый – ты рассказываешь мне все, что знаешь, и заметь, для тебя этот выход самый безболезненный; второй – ты продолжаешь молчать, тогда я стучу о своих подозрениях хозяевам, кои имеют немалочисленную охрану, а братки, входящие в эту охрану, языки развязывать и не таким, как ты, умеют, уж поверь мне. Давай пофантазируем на тему, какими приспособлениями будут сверлить в тебе дырки и резать на кусочки.

В глазах горничной без труда читался неопиcуемый ужас, видно, воображение нарисовало ей много способов собственного расчленения.

– Ты что, с ума сошла? – в итоге закричала она. – Зачем братки-то? Я и так все скажу, просто Ира мне не велела.

Был у нее парень, месяц назад разругались. Через две недели ей письмо пришло от Костика, парня ее. Предлагал помириться, написал, что приедет в Медведково, вроде как у него здесь друг живет, и будет каждый день приходить к воротам и просить прощения. Ну Ирка и ждала его.

– Ясно. Ну и что: приехал он?

– К тому я и веду. Вчера мы с тетей Ниной ушли в прачечную. Там духота такая, дышать нечем, и в горле пересохло. Короче, я вышла воды попить. Захожу в кухню – а там Ирина.

– Как? – удивилась я. До этого я была склонна мыслить, что в замке Иры не было (с ней могло случиться что-то на территории, и до порога она просто не дошла). Или была, но никто ее не видел.

– Да, я видела Иру уже после того, как она вернулась из магазина. На столе стояли набитые сумки, а в руке она держала какую-то записку и читала. Оторвавшись, увидела меня и улыбнулась. «Что это?» – поинтересовалась я. «Почтальон принес», – ответила Ира. На столе лежал конверт, подписанный, но без марок. «Я сейчас уйду, а ты никому не говори, что я возвращалась. Хорошо?» Я кивнула, глотнула минералки и вернулась в прачку.

– Ты видела, как Ирина выходила на улицу?

Аля отрицательно покачала головой.

– Честно говоря, я думала, она имеет в виду, что уйдет ненадолго и вскоре вернется. Но когда она не вернулась да-

же к ужину, я всерьез забеспокоилась. К утру, как ты верно заметила, у меня началась форменная истерика, я была уверена, что с Ирой что-то случилось: ну зачем делать тайну из своего ухода, если ты ушла на целый день и твое отсутствие все равно обнаружат? Другое дело, если она собиралась уладить какие-то срочные проблемы, но была уверена, что вернется, когда ее еще не успеют хватить.

– Резонно, – одобрила я ход ее мыслей. – Твои опасения, по всему, вполне обоснованны. Что же заставило тебя пере-думать?

– После завтрака я понесла на помойку мусор. Здесь невядалеке имеется глубокая яма, которую по прошествии многих лет превратили в свалку. Власти смекнули и установили там баки, а специальная машина приезжает и забирает содержимое. Туда-то мы и выносим мусор. Вот, спускаясь с горки, я оступилась, шлепнулась на мешок, и из него высыпалась часть мусора. Тут-то конверт этот и попался мне на глаза.

– И что там было? – срывающимся голосом любопытствовала я. Разгадка исчезновения одноклассницы была все ближе, уже ощущался ее запах (да нет, это просто жареной картошкой пахнет – кухня все-таки), осталось лишь узнать, что было в этой записке, ведь, скорее всего, зная ее содержание, можно вычислить, куда отправилась Ирина. А в том, что Аля прочитала письмо, я не сомневалась. – Неси мне скорее это послание!

– В том-то и дело, что я оставила его на свалке. Это же улика, а Ира просила никому не рассказывать.

– Что?! – Я почувствовала, как резко подскочило давление, хотя перебоев с ним дотоле не наблюдалось. Старею... – Ты хотя бы прочитала?! Помнишь хоть приблизительно?!

– Да не кричи ты. Текст был коротенький, я его даже выучила: «Я приехал. Жду тебя в 15:30 в замке Варламовых. Твой Костя». Теперь понимаешь, почему я перестала беспокоиться? Они встретились там, помирились и уехали. Так что не волнуйся, с ней полный порядок.

Если Альбине так приятнее думать, пускай остается оптимисткой, но мне такой расклад пришелся не по душе: зачем назначать свидание в замке, который обычные люди обходят за версту? Не проще ли было поймать ее на улице, возле того же магазина?

Пришлось констатировать один прискорбный факт – Ирина ушла в замок нечистой силы и не вернулась. «Кто в Варламовых замок попадает – не возвращается», – нехстати вспомнила я Софью Галактионовну. Может, бабка не так уж и не права со своими духами?

– Что ты выведала? – спросила меня шепотом за обедом Ленка, поменявшись местами с Андреем и прокомментировав ему свой поступок как ревность, однако главной движимой силой ее шага было, конечно, любопытство.

Я вкратце передала остаток разговора с мажордомом и со-

держательную беседу с горничной.

– Пойдешь со мной на помойку? – воодушевленно предложила я.

– Зачем?!

– Как это зачем? За уликами! Одно дело верить Альбине на слово, что записка была, и совсем другое – иметь ее на руках.

– Боже, мы даже с одной уликой разобраться не можем. С фотографией, – пояснила Гаврилова, но я и сама сообразила, что за улику она имеет в виду.

Тут я подумала о Яше. Безусловно, это был самый загадочный персонаж среди всех.

– Кстати, его следует найти и выпытать, откуда у того, кто просит на хлеб, недешевый фотоаппарат.

С тем, что выяснить это до разреза необходимо, Лена согласилась, а вот принимать во всем этом рьяное участие отказалась, сославшись на то, что им с Андрюшей, видите ли, и так наедине побыть некогда, а для этого они, в общем-то, сюда и приехали, а тут я со своим дурацким расследованием.

Но слово «дурацким» я обиделась, решив больше с Ленкой не разговаривать, потому на местную свалку отчалила в гордом одиночестве. Нашла ее абсолютно без труда: она была расположена, как и Медведково, сразу за пригорком, только нужно было завернуть немного влево по протоптанной многолетним хождением тропинке.

Копание в чужом, да что там в чужом, вообще в мусоре

– занятие не из приятных, посему я неимоверно обрадовалась, когда примерно двадцатый конверт из перелопаченных мною оказался тем самым. Мелким шрифтом на нем было отпечатано: «Ирине Григорьевой, горничной Серовых». Я достала сложенный вчетверо листок и развернула его. Так и есть, Аля действительно выучила послание наизусть. Достав из сумочки фотографию, я сложила улики воедино и принялась их с упоением изучать. За этим занятием меня и застал непонятно откуда взявшийся Женька.

– Что собираешь на помойке? – весело поинтересовался он, да с такой обыденной интонацией, будто я постоянно ошивалась на свалках, что-то там собирала, и вообще, в том, что меня можно застать в подобном месте, не было ничего странного.

– А ты? – попыталась я перенять его интонацию.

– За тобой слежу, как бы не сперла чего ценного. Потом отвечай за тебя, – вполне серьезно ответил Логинов, чем вызвал у меня приступ бешенства. Можно подумать, если бы я и впрямь что-то украла, он встал бы на мою защиту! Да и вообще, помойка на то и существует, чтобы избавляться от ненужного хлама, так что каждый имеет законное право брать себе оттуда все, что пожелает.

Я уже открыла рот, дабы оповестить Логинова об отсутствии у него здравого смысла, но не успела, так как взгляд его упал на предметы в моей руке.

– Что это? – Я хотела его послать подальше, но не успела

и опомниться, как конверт со снимком из моих рук уже перекочевал к нему, в связи с этим на меня посыпались многочисленные вопросы, и, чтобы отвязался, пришлось все рассказать. – Отлично, но я не понял главного: на кой тебе сдавалось разыгрывать из себя следователя? Одного раза было мало?

Действительно в прошлый раз наша с Юлькой игра в сыщиков едва не закончилась трагически.

Я разозлилась:

– Тебе-то что? Отдавай улики и проваливай. Ты мешаешь мне думать.

– Не отдам, пока не расскажешь. Уверен, что ты опять влезла во что-то серьезное. – «Как будто тебя это волнует», – с горечью подумала я. Однако взгляд блондина был серьезным, а хватка цепкой, я сразу просекла: реально не отдаст. Пришлось открыть свой истинный мотив. Брови взметнулись вверх, превратив теперь серьезно-строгий взор в изумленно-недоверчивый. – Ты хочешь найти горничную, потому что пела с ней песню? Я правильно понял?

– Да.

– И какую?

– «Песенка про медведей», – спокойно ответила я, пожимая плечами, мол, что тут интересного, зачем спрашивать.

– Хм, – нахмурился он, демонстрируя тем самым мыслительный процесс. – Не припоминаю. Напоешь?

Ничего не подозревая, я принялась вспоминать детство:

— Где-то на белом свете... — но была остановлена раскатом хохота. — Ты обманул, что не помнишь! Решил выставить ду-рочкой, да?

Короче, Логинов заслуженно получил по голове, затем из-рек:

— Ладно, уговорила, найдем мы твою одноклассницу. Дело за малым: спросить почтальона, кто велел отнести конверт Ирине, — включился он в мое расследование с таким наглым рвением, точно это было и его расследование тоже.

— Ясно кто — тот, кто и написал записку, то есть Костя.

Здесь напарник меня удивил:

— А кто тебе сказал, что это был именно Костя?

— Так э-э...

А действительно, кто подтвердит, что Костя? Послание ведь отпечатано на принтере, это мог сделать кто угодно. Кстати, неужели хоть у одного жителя захудалой деревни имеется компьютер, да еще и с принтером? А такой должен быть, по всему этот богатый по местным меркам житель является другом Костика, к которому тот собирался приехать и, скорее всего, приехал. Найдем компьютер — найдем друга.

— Нужно будет узнать, у кого из жителей есть компьютер, — сказала я. — Если нет таких, значит он напечатал это дома. Допустим, он знал от Ирины о пустующем замке и встретиться там решил заранее. Только непонятно, почему он назначил на полчетвертого, если это было напечатано за некоторое время до самой встречи? Он же не мог угадать, как сло-

жаться обстоятельства.

– А кто тебе сказал, что Костя на самом деле существует? – опять встрял Женька со своей фигней в мои практические, простые, лишенные всякой мистики и нереальности размышления.

– Я ж говорила: Альбина, – раздраженно отозвалась я. – Чем ты слушаешь?

– Вот именно, что о существовании Кости мы знаем лишь из безликой записки и со слов какой-то там Альбины. Сечешь?

Секу, конечно, это же все так красиво укладывается в придуманную мною и облюбованную Ленкой версию о наведении нас на ложный след.

– Может, еще скажешь, что Альбина сама напечатала записку? Она хранит достижения технологии внутри своего средневекового сундука, по соседству с прялкой! – Несмотря на то, что я посмеивалась над изреченными Женькой идеями, в глубине души была вынуждена признать, что он, как ни прискорбно, прав. Нельзя вот так просто принимать на веру все, что говорят. Основываться необходимо лишь на фактах. – Хорошо, – пошла я на примирение. – Программа минимум: узнать, откуда у попрошайки фотоаппарат; выяснить, у кого в деревне имеется компьютер; проверить память почтальона и связаться с матерью Ирины, уж она-то должна знать о наличии Костика. Ты согласен?

– Вполне, – кивнул Жека. – А котелок-то у тебя немножко

варит.

– Еще бы! – обрадовалась я комплименту, потому что из его уст «немножко варит» звучало как «ты сильно умна», ведь враги обычно не говорят друг другу приятности.

Мы решили еще раз навестить продавца магазина. Женщина долго не могла понять, про какого бомжа я ей талдычу, лишь после упоминания про Софью Галактионовну и примятую смородину она наконец-то въехала:

– А! Вот вы о ком! Только никакой он не бомж. Он все-го-то псих.

– Как? – Значит, не зря мы с Ленкой подивились фотоаппарату. – Но одежда, запах...

– В этом его сумасшествие и заключается: Яша косит под нищего, слоняется по дворам, ворует по мелочи, попрошайничает. На самом деле он богаче всех жителей, вместе взятых.

– Как же это? – ужаснулась я, вспомнив ту искренность, с которой Яша добивался денег на хлеб.

Женька, в отличие от меня, не растерялся, как будто был готов к такому повороту.

– Как вы думаете, это может ему принадлежать? – показал он ей снимок.

– Да, конечно. Без конца всех щелкает. У самой штуки четыре таких же.

– Но зачем?! – поразились мы.

– А кто ж его знает? Говорю ведь: псих. Только ни одного

человека в Медведково не осталось, кого он не сфотографировал.

Мы переглянулись.

– А компьютер есть у него?

– У Яши есть все, – завистливо вздохнула женщина и занялась пришедшим покупателем.

– Ну, что будем делать? – спросил меня Женя уже на улице. – Дует к твоему Яше?

– Узнать бы еще, где он живет.

– Секундочку.

Логинов скрылся в магазине, затем вышел и сообщил мне номер дома, где обитает «все-то псих». Дом обнаружил себя в правой части деревни и по внешнему виду ничуть не выделялся среди остальных. Забор был низеньким, как и все прочие в деревне, а калитка запиралась на обычную задвижку, легко открываемую с нашей стороны. Пройдя огород, мы приблизились к дому и громко постучали. Ничего не произошло.

– Вероятно, он где-нибудь шляется, снимает каждого жителя по сто двадцать первому разу, – сыронизировал Женя.

– Что делать будем?

Спутник, недолго думая, пошарил под старым, выцветшим половиком, что был на третьей, последней, ступеньке, и добыл оттуда ключ от дома. Воровато оглянувшись по сторонам, мы без зазрений совести вторглись в чужую собствен-

ность. Надо же было понять, что происходит!

Пройдя кухню, мы зашли в комнату. Особым богатством здесь не пахло, но безусловный достаток был, в его пользу говорили такие предметы, как дорогой импортный плоский телевизор, той же фирмы DVD-плеер, музыкальный центр и... компьютер. И что самое примечательное – не без принтера.

– Ничего здесь не трогай, – произнес вполголоса Женя, схватил первую попавшуюся тряпку и через нее открыл первый ящик письменного стола. Походил он в тот момент на заправского вора-рецидивиста, не меньше.

Ящик ничем особо интересным похвастать не мог: диски с фильмами и музыкой, ручки-карандаши, блокноты-листочки.

– А если он вернется? – испуганно спросила я. – А мы тут в вещах его роемся.

– Так он же сумасшедший, верно?

– Ну да, – рассеянно подтвердила я, силясь понять, куда он клонит. Для меня тот факт, что хозяин дома являлся душевнобольным, явно не играл нам на пользу. А ну как кинется на нас с топором?

– Ну вот. Значит, ему никто не поверит, если он заявит, что пришельцы копались в его нижнем белье.

Я задумалась над словом «пришельцы». Не такой уж Яша ненормальный, чтобы причислить нас к марсианам или жителям любой другой планеты, отличной от нашей. Но ка-

кой-то резон в Женькиных словах все же был.

– Но он же псих! – спорила я скорее из вредности. – Кто знает, что ему в голову стукнет? Может, он не любит инопланетян?

– Кого? – удивился Жека, как будто вовсе не он минуту назад нас причислил к их расе.

– То есть... Я хотела сказать – иноземцев. Ну тех, кто без спроса врывается в чужие апартаменты.

– Хочешь сказать, мы вдвоем не справимся с каким-то чудиком? Перестань! – беспечно отозвался Евгений, подбираясь к третьему ящику.

С четвертым нам, наконец, повезло. Точнее, не знаю, что надеялся обнаружить Логинов, а вот я именно это и искала: весь ящик почти доверху был набит полароидными снимками, на сорока процентах коих были запечатлены разные люди, а на шестидесяти – «ангел» Ирина. Тщательнейшим образом изучив даты всех фотокарточек, мы сделали вывод, что снимает Яша аж четвертый год, а к своей красавице пристрастился лишь полгода назад, да Григорьева небось раньше-то и не работала. Учítывая, что Яков частенько свои снимки раздает, тяжело представить, сколько же их было всего, наверно, несметное количество.

– Ну что, думаешь, это он, написав записку, заманил ее в замок Варламовых? – поинтересовалась я Женькиным мнением.

– Не знаю, это ты его в глаза видела, тебе судить о его

вменяемости. С другой стороны, без него мы б, наверно, и не узнали, что она вернулась в имение Серовых из магазина. Зачем ему раскрывать себя? – Тут Логинов не по-доброму устался на компьютер. – Впрочем, есть шанс это проверить.

– Каким способом?

Женька принялся вытворять совершенно опасные вещи: включил компьютер (опять же через тряпочку), уселся на стул, точно это был его стул в его собственной квартире, и начал бесстыже лазить по папкам с документами в поисках, как я полагала, того самого письма, в надежде на то, что оно не было удалено. Я зябко ежилась, хоть в доме было тепло, и постоянно оглядывалась по сторонам, прислушиваясь к каждому шороху. Затем, не выдержав, я и вовсе заняла позицию возле давно не мытого окна, чтобы в случае чего крикнуть что есть силы: «Шухер!», но от этого занятия меня отвлек Женька, окликнув, чтобы подошла поближе.

– Взгляни сюда.

Я взглянула. Это были файлы отсканированных газетных статей. Все они относились к журналам «Зазеркалье», «Мир мистики», «Духи – наши братья» и тому подобным. Тема развивалась одна и та же – переселение душ.

– Он, наверно, мнит себя Василием Блаженным, – хмыкнула я. – Пытается доказать, что является его вторым воплощением, и поэтому попрошайничает.

– А если хуже? Вдруг Гитлером? Или Наполеоном?

– Если верить в переселение душ, это, скорее всего, один и тот же человек.

– Что же, психопат Яша – третье пришествие Антихриста? Слабенькое вышло пришествие, ничего не скажешь, неудачное.

– Нехорошо смеяться над больными, – укорила его я, хотя сама вовсю усмехалась. – Выключи компьютер от греха подальше. Все равно письма в нем нет.

– Хорошо.

Грех не замедлил явиться. Мы уже пошли к выходу, когда в окне я заметила движение Яши – Антихриста во плоти.

– Шухер! – с чувством произнесла я. Не зря готовилась!

Мы бегом вернулись в комнату, Логинов прикрыл дверь и повел меня к дальнему узкому окну, выходящему на буйно цветущие кустарники в противоположной от входной двери стороне. Открыл одну из створок.

– Лезь!

– Яша, ты забыл запереть дверь! – ругал себя хозяин дома, стоя перед входом. – Ах ты негодный мальчишка! – Раздался залиvistый смех.

Тем временем я пыталась протиснуться в маленькое оконце. Врут, когда говорят, что если пролезет голова – все пролезет. Голова-то у меня вылезла нормально, да и плечи тоже. А вот что касается задней части... Срочно на диету!

– Давай же! – громким шепотом подгонял меня Женька.

– Не могу, застряла!

– Вот, твердишь, что головой думаешь. Если б ты головой много думала, у тебя бы застряла именно голова! А у тебя что застряло? То-то же.

– Заткнись! Помог бы лучше!

Яша захлопнул входную дверь и полез в холодильник, приговаривая:

– Так, что бы Яше сегодня отведать...

С секундным колебанием Жека выпихнул-таки мою задницу наружу, и я со вздохом облегчения плюхнулась в кустарник. Напарник же, так как бы широк в плечах, открыл вторую створку окна и без особых усилий через пару мгновений очутился рядом. Вот гад! А сразу он не мог открыть все окно целиком? Тогда бы ему не пришлось меня выпихивать!

Я хотела сказать ему, что он свинья, но в итоге решила промолчать (презумпцию невиновности никто не отменял, вдруг это всего лишь глупое недоразумение, а не коварный план), вместо этого интенсивно потирала исцарапанные колючими ветками руки.

– Что такое? Поранилась?

– Немного, – надула я губы. Вообще по натуре я не неженка, но в тот миг мне почему-то захотелось побыть слабой. Может, оттого что Женька был сильным?

Логинов взял мои ладони в свои, приблизил к лицу и подул.

– Так лучше?

Мне хотелось ляпнуть: «Намного», – но, вовремя вспом-

нив то, что мы считаемся врагами, я хмуро ответила:

– Сойдет, – и поднялась на ноги.

– Ты что делаешь? Вдруг в окно увидит? На корточках! Только осторожно, чтоб, не дай бог, соседи не застучали.

На полусогнутых мы направились по узкой тропинке через участок к выходу на дорогу.

– Нет, я еще удивлялась обитателям замка, в который попала! – шипела я недовольно по пути с участка. – Жители деревни куда безнадежнее: одна про духов злых лопочет, бомжа иной из себя корчит...

– Тебе б стихи писать!

– Так и поступаю, когда злюсь! Что будет дальше? Нагой мужик, усеянный пауками с ног до головы?

– Что не так с пауками? – любопытствовал Евгений.

– Ненавижу их – вот что!

Мы вышли на главную дорогу. Стоило сделать несколько шагов, как далеко впереди, вынырнув между домами на противоположной половине деревни, замаячила крепкая, плечистая мужская фигура с огромной стопкой макулатуры, торчавшей из сумки, что висела через плечо. И ежу было понятно, что это почтальон.

– На ловца и зверь бежит, – обрадовался Женька.

Не сговариваясь, мы ринулись к нему со всех ног и чуть не сшибли беднягу на землю.

– Что за шило в одном месте у вас, молодые люди? – более-менее вежливо поприветствовал нас почтальон, учиты-

вая то, что удержать его на ногах смогло разве что чудо, за что мы и извинились.

Женя сунул ему под нос конверт:

– Вы должны помнить, как передавали его!

– Я?

– Да, вы.

– Я? – вторично переспросил почтальон, отчего я решила, что ноги моей больше не будет в этой деревеньке, иначе недолго заразиться сумасшествием.

– Вы, вы. Или вам запрещено передавать записки? Это наказуемо? Пять лет с конфискацией? Так мы никому не скажем, уверяю вас, мы на вашей стороне! – попытался пошутить Логинов, как вдруг почтальон, совершенно неожиданно для нас, заявил со всей уверенностью:

– Я этого не передавал.

Конечно же, мы ему не поверили.

– Послушайте, это очень важно, и извините, пожалуйста, за дерзость. – Меня удивило то, что Женька, оказывается, может быть предельно тактичным, да еще и умеет извиняться. – Мы не хотели вас обидеть, просто это на самом деле важно. Вспомните, будьте так добры.

– Молодые люди, я понимаю, что это важно, иначе бы вы не стали на меня нападать посреди бела дня. Но я этого сегодня не передавал. Я еще в своем уме, склерозом не болею.

– Не сегодня. Вчера. Это было передано вчера.

– Но я первый день работаю! Потому и спросил: я вам

нужен или тот, что до меня был.

Я почему-то вздрогнула от слова «был». Сглотнув, спросила:

– А где тот, что до вас работал?

– Какой-то шумахер сбил. Развелось их! Гоняют, ничего не боятся! Права купил – и вперед!

– Насмерть?! – ахнула я. Всё, концы в воду. Что же это делается? Неужели какая-то записка дороже жизни человеческой? Пусть теперь кто-нибудь попробует сказать, что я все выдумала и никакого заговора нет.

– Зачем насмерть? – вроде как удивился почтальон. – Живой, оклемается. Сейчас на больничном, в гипсе лежит.

– Вы, случайно, не знаете, как с ним связаться?

– Нет! – отрезал почтальон и перешел на бег – видно, так мы его достали.

– Зачем он убежал? – недоумевал Жека. – Он что-то скрывает?

– Думаю, у него просто полно работы, – не согласилась я.

Что ж, происходящее было просто, как савок: кто-то усиленно заметал следы. А может, это всего-навсего случайность? Так или иначе, проверить это можно было единственным способом.

– О чем задумалась? – узрел Женька на моем фейсе выражение крайней озабоченности.

– Нам остается одно: сегодня, как только стемнеет, мы отправимся в замок Варламовых.

Глава 5

После плотного ужина я поднялась в свою комнату с намерением немножко почитать. Женьке была поручена организационная часть экспедиции: он должен был добыть фонарики, веревку (вообще-то мы были уверены, что она не понадобится, но... кто знает, что ждет нас ТАМ?), выяснить точный маршрут, осторожно полюбопытствовать, в какое время включают имение на сигнализацию, сколько человек останутся на ночь в доме, и по возможности связаться с матерью Ирины Григорьевой. Конечно, список заданий попался ему немаленький, не один рулон туалетной бумаги пришлось извести (больше писать было не на чем), но он же сам вызвался помогать мне в расследовании. Вот и пусть помогает.

Только я окунулась в мир Агаты Кристи, как...

– Вы с ума сошли! – подобно урагану, влетел в мою комнату Пашка с глазами навывкате, выражавшими полное безумие. За ним тихонько последовал понурый Логинов и прикрыл за собой дверь. – Идти ночью в этот... в это... пристанище ада! – подобрал-таки Самойлов красивое словосочетание и понесся дальше: – Все говорят: кто в тот замок попадает – не возвращается! Вот ваша глупая Ирина вместе с парнем со своим и – того!.. И искать их не фига, а то сами прямиком на тот свет отправимся. Или, что еще хуже, застрянем между мирами... – Да, Павел очень любит читать фантасти-

ку на ночь глядя.

Не обращая на Пашу ни малейшего внимания (не до него сейчас, но и он свое получит), я грозно уставилась на его любимого друга и выдавила из себя слова, наполненные яростью:

– Ты зачем ему сказал?!

Пожатие плеч, мол, извини, но так получилось.

– Меж нами нет секретов! – ответил за него Паша с гордостью и продолжил вещание: – Там же злые духи, неизвестно, что может произойти с вами! Что, охота последовать за горничной? И потом я всю жизнь буду винить себя, что знал, но не отговорил! И останется о вас лишь светлая память... – Клянусь, он прослезился. Как тогда, в такси.

– Послушай, Паша, – зло ответила я ему, решив, что теперь его время «получить свое», – Ира была в замке – если вообще там была, что нам и предстоит узнать, – *днем*, а по легенде, которой верят-то одни идиоты, духи, смешно сказать, зверствуют *ночью*, так что не сходится! Это во-первых. А во-вторых, тебя туда никто не зовет! Вот и тешься своей «светлой памятью».

– Что-о? За кого ты меня принимаешь? Я думал тебя отговорить, но с курицей связываться – себе дороже, так что брошу пустые попытки. И не думаешь ли ты, что я друга своего, заметь, самого близкого друга, одного пушу? Щассс!

Мне почему-то в тот момент не показалось неправильным, что меня Паша мало того что обозвал курицей, еще и

за ноль считает, раз сказал «одного». Вместо того чтобы заметить это и накостылять, я обратилась к самому близкому Пашиному другу:

– Он что, идет с нами? – Прозвучало это не гневно, что более соответствует моему характеру, а как-то обреченно. Самый близкий смиренно кивнул. – Ладно, Самойлов, но будь готов к тому, *что* ты там увидишь.

– Что увижу?

– Кро-овь, – злорадно протянула я, – мно-ого кро-ви.

Паша отреагировал мгновенно: закатил глаза, побледнел и, сделав свое дыхание прерывистым, начал потихоньку оседать – я мысленно потирала ручонки, зная, как сильно будущий врач боится крови, – но вдруг, почему-то передумав падать в обморок – вероятно, мне назло, – собрался с силами и вернул глаза, тело и цвет лица в исходное положение, тем самым порушив мое и без того недолгое счастье.

– Я пойду с вами, – твердо, делая ударение на каждом слове, поставил он перед фактом.

– Ну и хрен с тобой. – Я повернулась к Логинову. – Ты сделал то, что я просила?

– Да. Снаряжение добыл, все, что надо, выяснил, мадам Григорьевой позвонил.

В связи с этим у меня возникла парочка вопросов, но их хотелось задать тет-а-тет.

– Паш, ты можешь выйти на две минуты?

– Это что, коалиция?! – как всегда с преувеличенной эк-

зальтацией выдал Самойлов.

– Паша, будь так любезен! – совсем нелюбезно выкрикнула я. Тот громко и отчетливо хмыкнул, но все же вышел за дверь.

– Надеюсь, у тебя хватило ума не говорить ей правду о ее дочери? – без промедления накинулась я на Женьку, ибо не знала, на какой срок у Паши хватит терпения не участвовать в разговоре.

– Между прочим, повариха Нина, давшая мне номер телефона, уже звонила туда неоднократно с вопросом, не вернулась ли дочь.

– Ясно, – с грустью изрекла я. – Так что там с ее женихом?

– К сожалению – или к радости, не знаю, – парень по имени Константин у Ирины действительно есть. Более того, он действительно собирался приехать. Собирался, но не приехал.

– Что с ним? – испугалась я.

– Ничего. Он просто не успел приехать, но все еще собирается. Считает, по словам матери горничной, что его возлюбленная была уведена у него из-под носа новым хахалем. Хочет приехать и устроить разборку. А мать уверена, что она просто где-нибудь у подруги прячется, дабы Косте насолить. Дурдом на выезде.

«На самом деле дурдом», – подумала я, кивнув. Мать просто не знает про записку, которую прислал вроде как Костя. Теперь уже выходит, что вроде как и не Костя.

– А ты узнал, ну... то, что я просила узнать? – уже тише продолжила я. А ну как Павел подслушивает?

– А почему ты сама ей не позвонила? – без упрёка и даже с долей сочувствия спросил враг. Я пожала плечами. На самом деле я просто не знала, как смогу объяснить ей важность этого вопроса. «Помните, в семилетнем возрасте ваша дочь дружила в одной девочкой, про которую еще говорили, что она – пацан в юбке? Вот, это я и есть». Бред. Женька-то представлялся работодателем, ему не пришлось краснеть. – Повезло, что дама оказалась словоохотливая, а я умею располагать женский пол к себе. Они действительно жили в нашем городе и уехали, когда Ира заканчивала первый класс. Отец у нее был пьющий и вспыльчивый, женщина подала на развод, но, опасаясь, как бы муж не прибил ее сгоряча, сбегала в другой город к своей сестре. Все произошло внезапно, думаю, именно поэтому с тобой не попрощались. Когда у родителей проблемы, они о детских дружеских чувствах как-то не задумываются. – Я молчала. – Ты поняла меня, Катя?

– Угу.

– Что ты поняла? – вздохнул Женька. Блин, как на экзамене!

– Что я не виновата.

– Ну вот и молодец, – кивнул он. – Так мы продолжаем искать ее?

– Конечно! Она же моя одноклассница и подруга. Но ты, если не хочешь, можешь мне не помогать.

– Я помогу. Видишь ли, здесь становится скучно. Замок замком, но надо же как-то себя развлекать. – Он широко улыбнулся, так что, скорее всего, шутил. В то же время какой ему резон расследовать исчезновение девицы, которую он никогда не видел? Может, и не шутит. Может, правда от скуки.

– Что с сигнализацией?

– Сигнализация включается каждый день в одно и то же время – в одиннадцать тридцать вечера. И все. Обратно не попасть. Илья очень строг в плане дисциплины, он даже своих друзей, которые как-то раз ночевали здесь, не пустил ночью гулять. Нам, думаю, не стоит и пытаться отпрашиваться. Правду все равно не скажешь, а что такого можно соврать, чтобы он посчитал это достаточно важным, ума не приложу.

– Отлично, – уныло отреагировала я и впустила Пашу, томящегося, как выяснилось, прямо под дверью. – Значит, нам нужно осмотреть целый замок и успеть вернуться крайний срок к половине двенадцатого, притом что выйти мы должны, только когда стемнеет. Давайте обдумаем, как мы все это успеем и когда нам выходить, учитывая то, что на дворе начало августа и темнеть начинает мучительно поздно.

– Значит, так. Варламовский замок находится левее нашего, если смотреть с фасада, и чуть дальше от пригорка, нежели наш, вглубь, так сказать. И если идти в обход, по дороге вдоль забора, то путь займет минут пятнадцать. Ежели пойти напрямик – это возможно лишь теоретически, так как за-

бор имения представляет собой весьма внушительную преграду, – то путь сократился бы аж в два раза.

– Когда ты успел это все вымерить, геодезист?

– Я же Жека! – загордился собой Евгений, а я его зауважала.

– Сейчас без десяти восемь, – сказал Паша, посмотрев на часы. – Где-нибудь через час... очень даже можно.

– Нет, – возразила я, – лучше в начале десятого: у прислуги рабочий день в девять заканчивается, либо к себе в комнату уйдут, либо домой уедут, что для нас еще лучше.

– Окей, – одобрил Женька. – В девять часов десять минут собираемся здесь.

Ровно за пять минут до назначенного времени в моей комнате, предварительно постучав, появился Женька. Минуты через две – Паша.

Я похвалила парней за пунктуальность, которой сама с рождения была лишена и потому считала особенным положительным качеством, и мы скучковались у окна. За оным было отвратительно светло.

– Безобразие, – молвил Жека, глядя в окошко.

– Может быть, подождать, когда стемнеет? – предложила я, водя пальцем по гладкому стеклу.

– Раньше половины одиннадцатого не стемнеет. Но время у нас есть. Можем чуть-чуть подождать.

Ребята оторвались от созерцания окрестностей, упрямо не

желавших потонуть наконец в полумраке, и устроились на моей кровати. Я посчитала за благо не пребывать в такой близости от них и потому уселась в кресло.

– А почему Юля не поехала? – спросил у меня Самойлов, старательно пряча за маской безразличия свой глубокий интерес к моей ближайшей подруге.

– Юля не смогла поехать, ей не до этого.

– А что такое? – маска безразличия свалилась на пол, обнажив беспокойство и заботу.

– Ничего страшного. Приболела малость, – про личную драму я, разумеется, умолчала.

Паша тяжело вздохнул: он тоже не любил болеть.

Мы посидели еще немного.

– Уже двадцать пять минут десятого, – изрек Логинов, поглядев на мой настольный электронный будильник. – Пошли, что ль, сколько можно сидеть?

– Ты уверен? – произнес Павел таким голосом, точно сам в необходимости куда-то идти уверен однозначно не был.

– Так, все, хорош! Пошли.

– Лучше посмотрим, что делается на улице, вдруг там уже потемнело?

Женя проворчал что-то себе под нос, но к окну послушно подошел. И я вслед за ним. По-моему, стало еще светлее. Эту мысль я и попыталась донести до соратников.

– Какая разница – светло, темно... – Женька отпрянул от окна и отвернулся.

– Я не хочу, чтобы нас увидели. Вызовет подозрения.

– Ладно, ждем еще десять минут и уходим.

Покорно выждав шестьсот секунд, которые в процессе молчания и душевного беспокойства, плавно перерастающего в жгучий страх, показались бесконечностью, мы двинулись в путь. У каждого камикадзе в руке было по фонарику, у Логинова к тому же – моток веревки и складной перочинный ножик для защиты (в его необходимость нам верилось так же слабо, как и в нужность веревки, однако иметь при себе хоть какое-нибудь оружие, когда идешь в неизвестность, – совсем не плохо), а Самойлов с той же целью прихватил с собой вилку.

Достигнув первого этажа, мы затихли и прислушались. Нужно было миновать комнату начальников охраны, прачку и кухню. И так миновать, чтобы никто нас не заметил.

Из комнаты охранников доносился дружный храп. Только я вздохнула спокойно, как тут что-то громко звякнуло возле моих ног.

– Блин! Я уронил свою вилку! – Паша полез мне под ноги, поднимая и благодаря своей неуклюжести вновь роняя вилку, которая при падении производила много опасного в нашем положении шума, и так без конца. Как будто специально, ей-богу!

Храп в комнате прекратился.

– Паша! – не выдержала я. – Брось ты заниматься ерундой с этой вилкой!

– Я с вилками никакой ерундой не занимаюсь, у меня нормальная ориентация!

Логинов сам поднял злополучную вилку и сунул Павлу в карман. Притом не произвел ни малейшего шума! Вот у кого нужно поучиться! Затем он показал нам знак молчать. Мы простояли так достаточно долго, слыша, как в комнате ворочались охранники, заставляя старенькие кровати скрипеть и временами громко позевывая. Вдруг им вздумается пойти проверить, что же за шум заставил их проснуться? Наконец скрип и зевание прекратились, а через минуту раздался двойной басистый храп.

– Кажись, миновало, – шепнул Женька. – Идем.

С его благословения мы двинулись дальше. Ни на кухне, ни в коридоре никого в этот поздний час не было, и мы благополучно удалились за двери замка, а после, пройдя лужайку, за ворота имения.

На улице осторожной поступью начали приближаться медлительные сумерки, что для нашей разведывательной кампании было просто великолепно.

Ужасное здание предстало перед нами минут через пятнадцать. Оно было... м-м, как бы это сказать... страшное. Да, именно страшное, просто жуть. Такое, как описывается в детских сказках, после прочтения которых у детей не то что сна – ни в одном глазу, а вообще нервный тик может приключиться. Таковой уже почти имел место быть лично у меня.

От созерцания этого сооружения – обители сатаны и де-

монов (теперь я уже не сомневалась в их существовании, глядя на замок) – нас зазнобило. Построенный века два назад из темно-серого камня замок так обветшал, что в некоторых местах почернел, а в некоторых и поржавел (я имею в виду решетки, они были на каждом окне). Три этажа замка заканчивались узкой башней, единственное многогранное окно которой было разбито, а решетка, насквозь изъеденная коррозией, болталась на одной петле и, покачиваясь от легкого ветерка, невыносимо скрипела, что сказывалось должным образом на нашей из без того расшатанной нервной системе. За низким, покосившимся, а кое-где вообще сломанным забором расположилась высокая, выше колена, густая, непроходимая трава – осока, перемежающаяся с крапивой. Было отчего радоваться своему обмундированию: я надела длинные джинсы, а привычные босоножки на высокой шпильке сегодня сменились неожиданно удобными кроссовками, кои ранее мною не уважались, считаясь неженственной обувью.

Замок Варламовых, безусловно, отличался от замка, где мы проживали вот уже второй день. Серовский, шикарный, чистый, светлый, опоясанный цветочными клумбами и плодовитыми деревьями, с аккуратно подстриженным газоном вокруг, был похож, скорее, на роскошную виллу, на которой вот-вот совершится свадебная церемония. Варламовский же, опоясанный не цветами, а густой крапивой, темный, мрачный, с этой действующей на нервы решеткой на башне, был похожим на... могилу, не побоюсь этого слова. А башня

являлась памятником. Кому? Чья это могила? Кто здесь захоронен?... Казалось, будто замок скрывал какую-то важную тайну и его отталкивающий вид являлся щитом, чтобы никто не хотел в него проникнуть и случайно узнать этот секрет. Как черная, страшная вуаль, которую не хочется поднимать, даже чтобы познать, что за ней спрятано.

Но мы собирались это сделать...

Если добавить к вышеизложенному описанию надвигающиеся сумерки, пугающие, темные, которые собирались охватить всё и вся, сжать в своих недобрых объятиях, и едва зародившийся кроваво-красный закат, в котором утопал мистический замок, скрывающий свою загробную, запредельную тайну, грозящую свести с ума того, кто ее разгадает, – то получится именно такой пейзаж, который мы видели и переживали внутри себя в тот момент.

– Что за... страшилище? – ужаснулся Женька.

– Действительно квазимодо, – поддакнул Пашка. – Я очень рад, что не пустил вас туда одних. – Я оглядела Пашино худосочное строение и хихикнула. – Погляди, Жек, на эту оптимистку. Она еще, видите ли, хихикает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.